

Метро 2033: Пифия-2. В грязи и крови

Автор:

Сергей Москвин

Метро 2033: Пифия-2. В грязи и крови

Сергей Львович Москвин

МетроВселенная «Метро 2033»Монстры Апокалипсиса #4

«Метро 2033» – Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают Вселенную «Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности на Земле, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Что делать женщине, когда больше не хочется жить? Когда единственную дочь убили у нее на глазах. Когда во всем метро не осталось ни одного близкого человека. Когда тело отравлено смертельным ядом и лучевой болезнью, а в душе – только отчаяние и мрак. Что остается той, которую еще недавно считали профессиональной шпионкой, безжалостной охотницей за людьми и жестокой наемницей по прозвищу Гончая? Только отомстить убийцам дочери! Куда приведет ее неукротимая жажда мести? Превратит в беспощадное чудовище, подобное Пожирателю рухнувшего мира, или она найдет в себе силы противостоять Злу и откроет свое истинное предназначение?

Сергей Москвин

Метро 2033: Пифия-2, В грязи и крови

Автор идеи – Дмитрий Глуховский

Главный редактор проекта – Вячеслав Бакулин

Оформление обложки – Михаил Пантелеев

Карта – Леонид Добкач

Серия «Вселенная Метро 2033» основана в 2009 году

© Д.А. Глуховский, 2018

© С.Л. Москвин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Движение души. Объяснительная записка Вадима Чекунова

Свой первый раз, когда не просто захотел убить человека, а полностью отдавая себе отчет в том, что собираюсь сделать, планировал это убийство, помню очень хорошо.

Мне девятнадцать лет. Привалившись спиной к стене, сижу на полу в темной, душной и вонючей казарменной сушилке. Рядом в такой же позе расположился Череп – парень с Украины. Мы с ним служим уже четвертый месяц. За окном –

осенняя вечерняя мгла. Через час дневальный прокричит «отбой!» и нас снова позовут в бытовку. А утром, после завтрака, наш взвод опять повезут на болота – собирать клюкву для столовой. На самом деле, конечно, все это для командования – от нашего прапора до всяких замов комполка. Собираем ягоду только мы, «духи». «Старые» шарятся по болоту просто так, в поисках места посуше, и заваливаются дрыхнуть. Их дневную норму сбора должны выполнить мы, после своей. Четыре набитых под завязку вещмешка. И даже перевыполнить – за это «старым» обещаны отпуска. Мы не справляемся. Вот уже почти неделю нас возят «на клюкву», а вечером тащат в бытовку «на беседу». Больше всех нас лупит худой и сутулый молдаванин с мутным взглядом и совершенно бесстрастным лицом. Он ставит нас по стойке «смирно», разбегаются и бьет носком сапога по голени, как по футбольному мячу. От этого наши с Черепом ноги до того распухли, что едва влезают в сапоги по утрам.

– Я больше так не могу, – говорит Череп, глядя перед собой.

Разглядываю его смутно белеющий профиль и киваю:

– Я тоже.

С минуту молчим. Мы прекрасно понимаем друг друга, лишние слова ни к чему.

– Только надо, чтобы нас не запалили, – нарушаю тишину. – Чтобы без следов.

Череп кивает:

– Болото нам в помощь. Мордой его в воду, чтоб захлебнулся.

Далее деловито обсуждаем, как сподручнее завести «старого» на топкое место. Распределяем, как его будем валить и прижимать. Гадаем, смогут ли найти его тело, и если смогут, то как быстро...

Спасает нашего мучителя (и нас тоже) лишь новость о том, что ему дают отпуск и на днях он отправится к себе на родину, на десять дней, не считая дороги. Большой срок для нас, его еще прожить надо. А там уж посмотрим, как выйдет.

Всякое потом в жизни бывало, но вот этот случай запомнился особо. Ничего не случилось внешне – все остались живы. Но внутренний мир мой изменился навсегда. Хотя и мезтью (желанием мести) это назвать вряд ли можно. Скорее всего, это отчаяние загнанного. Но именно с тех пор мне стали намного понятнее чувства людей или персонажей, движимых желанием покарать обидчика или виноватого.

Читая о злоключениях Гончей во второй части «Пифии», которую Сергей Москвин весьма звучно и точно озаглавил «В грязи и крови», я с замиранием сердца ожидал – не дай бог, автор собьется, сфальшивит, возьмет неверную ноту в описании психологии попавшей в очередной переплет героини... Особенно в таких щекотливых моментах, например, как разговорах Гончей со священником. Но автор – человек опытный и бывалый, он такого допустить не мог и не допустил, разумеется. Мало того, ему удалось донести до читателя всю гамму чувств человека, идущего по кругам ада. Не просто человека, но женщины и матери.

Помимо колоритных сатанистов и Великого Червя – кстати, приготовьтесь узнать о них нечто весьма любопытное, – меня чрезвычайно интересовало и то, как будут показаны переживания людей, их душевные метания, их страхи и попытки разобраться, что более пригодно в новом безрадостном мире – вера или неверие.

Экшена в книге с лихвой, как того и требует жанр. Но и самому главному – душе человеческой – уделено немало. Измазанная кровью и грязью бытия, остается ли она тем даром, что отличает нас от других живых существ?

Это очень жесткая, тяжелая история. Рассказанная замечательным автором – хорошо понимающим суть вещей человеком. Тот случай, когда правда жизни прекрасно сочетается с жанром фантастики.

Пролог

Мрак постепенно рассеивался утренним светом, отодвигался. Скоро уже ни у кого из пассажиров катящейся по рельсам дрезины не осталось сомнений в том, что проступающий из темноты пейзаж – не плод их воображения, не обман зрения и не результат искажений на запотевших окулярах противогозов. Вокруг

железнодорожного полотна, насколько хватало глаз, нигде не было снега! Только хаотично разбросанные бетонные блоки со скругленными, будто оплавленными, краями, вывороченные с корнями обугленные деревья и ноздреватая, похожая на засохшую пену черная земля.

- Что это за место? Где снег? – шепотом спросил один из разведчиков.

- Весна, товарищ боец. Да еще дождь затяжной недавно прошел. Вот снег и... – ответил комиссар, возглавляющий разведгруппу. Он сам понял, насколько неубедительно прозвучало объяснение, но, запнувшись, все-таки закончил фразу: —...Растаял.

- Так ведь и в Москве дождь шел, а вон какие там сугробы, – напомнил ему разведчик.

Но комиссар резко оборвал дискуссию:

- Отставить разговоры! Продолжать наблюдение! Товарищ машинист, можете сказать, где мы находимся?

Стоящий за рычагами пожилой мужчина в промасленном рабочем комбинезоне и расстегнутом танкистском шлеме, натянутом поверх противогаза, поднес к окулярам затертую до дыр схему московских пригородных электричек.

- Да, думаю, к Люберцам подъезжаем. А может, уже проехали.

- Усилить наблюдение! – приказал комиссар, но в этой команде уже не было необходимости.

Все, кто находился в кабине дрезина, включая самого комиссара, уставились на черную стену или, скорее, вздымающийся над землей вал, перегораживающий железнодорожные пути и все обозримое пространство.

Увидев перед собой препятствие, машинист тут же сбросил обороты, но дрезина, наоборот, покатила быстрее, словно какая-то неведомая сила толкала ее вперед. Не понимая, почему это происходит, он рванул на себя рычаг экстренного торможения. Но и с намертво заблокированными колесами дрезина

проскользила по рельсам еще не один десяток метров и остановилась, когда разведчикам и самому машинисту уже казалось, что столкновение неизбежно.

Однако при ближайшем рассмотрении стало понятно, что «стена» на самом деле представляет собой облако клубящегося над землей плотного дыма или очень густого тумана. Оно то приближалось к застывшей на путях дрезине, то откатывалось назад. В этом повторяющемся движении изумленным людям почудилось что-то живое, а старый машинист даже сравнил колебания тумана с биением исполинского сердца, вырванного из груди мифического чудовища. Чернильное облако вздымалось и опадало – оно дышало, вселяло безотчетный страх, но не позволяло отвести глаз.

Комиссар первым нарушил затянувшееся молчание:

– Машинист, заводите дрезину и на малом, самом малом ходу – вперед.

Но старик упрямо замотал головой.

– Ты мне не командуй! Разведка – ваше дело. А мое дело – машина. Я за нее перед своим начальством отвечаю. Дрезину гробить не дам!

– Несознательно рассуждаете, товарищ машинист! – повысил голос комиссар.

– Что хочешь думай, а я туда не поеду. – Старик указал пальцем на «стену», но в этот момент облако расширилось, стремительно приблизившись к дрезине, и он поспешно отдернул руку.

Несколько секунд комиссар сверлил машиниста взглядом, потом, так ничего и не добившись от упрямого старика, обернулся к разведчикам:

– Товарищи бойцы, проверить фонари и оружие, подготовиться к спешиванию. Всем обвязаться веревкой. Дистанция десять... нет, пять метров.

Свободный конец стометрового капронового шнура привязали к дрезине, еще один точно такой же шнур, свернутый в бухту, комиссар повесил себе на плечо, после чего два вооруженных автоматами бойца вместе с командиром друг за другом скрылись в мгновенно окутавшей их туманной мгле.

«Проглотило», – подумал наблюдавший за разведчиками машинист и слегка подергал разматывающийся конец шнура. С некоторым запозданием с той стороны, из дымного облака, дернули в ответ два раза. Последним в связке шел комиссар, и, судя по его сигналу, с группой все было в порядке. Старик стал считать про себя и, досчитав до ста, снова подергал веревку. Ответа не последовало. Прошло несколько томительных секунд, которые можно было бы списать на занятость комиссара, его неторопливость и прочие задержки, но что-то мешало в это поверить.

– Эй! Как вы там?! Отзовитесь! – крикнул в клубящуюся тьму машинист, хотя по инструкции кричать и шуметь во время пешей разведки строго запрещалось.

Тьма ответила протяжным шорохом. Или шипением! Старик опять дернул веревку, потом еще раз, но так и не получил ответа.

* * *

Никто из них никогда еще не видел такого густого дыма. Боец, первым шагнувший в черноту, в то же мгновение растаял во мраке – словно растворился в нем. Потом то же самое произошло со вторым разведчиком, а затем настала очередь комиссара.

Парни, которых он отправил вперед себя, никуда, конечно, не исчезли. Они стояли рядом в ожидании своего командира, хотя он и приказал им двигаться дальше. Фигуры бойцов странным образом потеряли четкие очертания – их словно размазало по воздуху. Один из разведчиков направил на комиссара свой фонарь, но вместо слепящего луча тот увидел лишь сужающееся желтое пятно.

– Э-э! Где свет?! – изумленно воскликнул солдат. Черный туман – комиссару хотелось, чтобы это оказался все-таки туман, а не дым, – по необъяснимой причине усиливал голос, отчего казалось, что боец орет во все горло.

Свет как будто исчез. Причем всех трех фонарей сразу! Комиссару в первый момент показалось, что мгла просто сожрала его, будто она, напившись электрическим светом, стала еще гуще и темнее. Потом он разглядел кружащиеся в дыму (в тумане!) крупинки сажи, некоторые из которых слиплись в настоящие хлопья, и понял, что лучи фонарей попросту вязнут в этой черной

пыли.

Вместо того чтобы очистить рефлектор от налипшей сажи, солдат принялся отчаянно трясти фонарем и в конце концов выронил его. Упавший фонарь покотился по земле и вскоре исчез во мраке.

– Чего это? – окончательно растерялся разведчик.

– Уклон здесь, вот чего! – ответил комиссар. – Поэтому и дрезина долго не останавливалась. Внимательнее надо быть, товарищ боец. За утерю снаряжения получите взыскание.

– Есть взыскание, – механически произнес солдат. Судя по голосу, предстоящее наказание не волновало парня. – Скоро назад, товарищ комиссар?

– Проведем разведку – и назад!

– А может, прямо сейчас? – подал голос молчавший до этого второй боец. – Разведали уже. Она куда забрались. Чего тут еще проводить?

– Вы что, трусы, вы на что меня подбиваете?! – возмутился командир. – У нас приказ: обследовать железнодорожную ветку на всем ее протяжении, пока рельсы не закончатся! Вперед, я сказал! Дистанция два шага!

В этот момент натянулась закрепленная у него на поясе веревка, и, чтобы успокоить машиниста, комиссар машинально дернул ее два раза. Заставить разведчиков подчиниться оказалось не так просто. И только когда комиссар вытащил из кобуры свой «макаров» и пригрозил солдатам расправой, они нехотя двинулись вперед.

С каждым шагом склон становился все круче. Время от времени разведчикам, чтобы не оступиться и не скатиться под откос, приходилось хвататься руками за облепленные сажой, скользкие, непривычно теплые рельсы. Железнодорожные шпалы в качестве опоры не годились. Это стало понятно после того, как комиссар наступил на одну из них, а та под его весом рассыпалась в труху, словно была слеплена из песка и глины, а не отлита из бетона.

С обеих сторон железнодорожного полотна, словно призраки, то и дело проступали из мглы угловатые силуэты искореженных металлических обломков и каких-то совершенно невероятных перекрученных конструкций, но невозможно было определить, реальны ли эти картины или это всего лишь иллюзия, созданная перемещением клубов дыма.

Внезапно на пути разведгруппы вырос огромный «гриб» высотой в человеческий рост, оказавшийся вонзившейся в землю осью тепловоза или железнодорожного вагона с единственным уцелевшим колесом. Кто-то привязал к этой конструкции толстый металлический провод, конец которого терялся во мраке, но когда комиссар задел провод ногой, тот распался на части, словно сгнившая веревка. Поверхности колеса и самой оси были покрыты забитыми сажей глубокими бороздами. Они напоминали следы зубов, словно этот штырь с насаженным на него железным блином что-то (или кто-то) долго и упорно грызло.

Следующее открытие разведчики сделали, отойдя всего на несколько шагов от торчащего из земли обломка колесной пары, и оно тоже не подняло им настроения. Они все-таки добрались до конца железнодорожной ветки, но стальная магистраль в этом месте не заканчивалась тупиком или непроходимым завалом. Она обрывалась, причем не в переносном, а в прямом, буквальном смысле: неровные концы рельсов, выглядевшие точь-в-точь как обугленные кости, висели над провалом, на дне которого бурлили, принимая причудливые формы, клубы густого черного дыма.

Бойцы поспешно отступили от пропасти, но комиссар, как и положено ответственному командиру, продолжал вглядываться в кипящую черноту и вскоре заметил, что поднимающийся дым подсвечивается снизу загадочными всполохами. При каждой вспышке разлетающиеся искры чертили во тьме огненные знаки, складывающиеся в буквы и даже в слова, но комиссару никак не удавалось разобрать их.

– Идемте, товарищ комиссар. Все, конец пути. Пора возвращаться.

Почувствовав чью-то ладонь на своем плече, тот резко обернулся.

– Отставить! Закрепить трос! Приготовиться к спуску!

Разведчики изумленно уставились на своего командира: предложить спуститься в провал, который неизвестно где заканчивается и заканчивается ли вообще, мог только безумец. Но комиссар воспринимал происходящее явно иначе и увидел в замешательстве подчиненных открытое неповиновение.

– Выполнять! – закричал он, размахивая пистолетом, и швырнул бухту запасного шнура под ноги одного из своих бойцов. – Привяжи конец к основанию колесной оси!

– Н-нет. – Солдат замотал головой и попятился. Это был тот боец, который потерял свой фонарь, но сейчас комиссар уже не стал бы утверждать, что это произошло случайно: скорее всего, трус и паникер выбросил фонарь намеренно. – Я туда не полезу.

Командир направил на бойца пистолет и нажал на спуск. Никто из сослуживцев не считал комиссара хорошим стрелком, но на этот раз выпущенная им пуля разбила окуляр противогаза и поразила пятящегося разведчика точно в глаз. Напарник застреленного солдата поспешно вскинул автомат, а комиссар с неожиданным для себя проворством развернулся. Они выстрелили практически одновременно. И оба попали.

Две заостренные автоматные пули, словно хищные насекомые, ужалили комиссара в грудь и вгрызлись в его тело, а спустя мгновение тупоногая пуля ПМ проделала то же самое с телом автоматчика.

* * *

Чем пристальнее старый машинист всматривался в темную пелену, тем больше укреплялся в мысли, что это не просто туман. Все в этом черном облаке было странным. И звуки, доносящиеся оттуда, тоже были странными. И пугающими! Всякий раз, когда туманная мгла «вспухала», раздаваясь вширь, и волной накатывала на дрезину, шуршание песка, шипящее дыхание ветра и какие-то непонятные шорохи складывались в воображении старика то в чью-то тяжеловесную поступь, от которой мелко дрожала земля, то в хруст перемалываемых костей, то в сытое урчание и чей-то довольный смех.

Услышав этот смех, машинист спустился из кабины на покрытую спекшейся коркой землю и потянул на себя сигнальную веревку, которой обвязались ушедшие в туман разведчики. Он представил на миг, как вытаскивает перегрызенный и окровавленный конец шнура, но ничего подобного не произошло. Веревка сразу натянулась и, сколько машинист ни бился над ней, больше не поддавалась. В бесплодных попытках вытащить шнур прошло около минуты, за это время черная мгла дважды подступала к дрезине и откатывалась назад. А потом старик отчетливо услышал стон.

Если бы не этот стон, машинист ни за что бы не вошел в расползающуюся перед ним черноту. Но услышав этот звук, он уже не мог уехать и бросить раненого, возможно, умирающего человека, даже не попытавшись помочь ему.

Приняв решение, старик больше не колебался. Перебирая руками натянутую веревку, он перешагнул границу света и тьмы. Мгла мгновенно окутала его, словно только и ждала этого момента, а под ногами ощутимо качнулась земля, но машинист не обратил на это внимания. Вокруг кружила настоящая метель, только хлопья «снега» были не белого, а угольно-черного цвета. Уже в шаге перед собой ничего невозможно было рассмотреть, но веревка, которую старик не выпускал из рук, не оставляла сомнений, что он на верном пути.

Машинист успел пройти не более десяти шагов, когда раздавшийся за спиной скрежет заставил его обернуться. Выныривая из темноты и снова скрываясь в клубах черного дыма, на него неслась оставленная на рельсах дрезина. Застигнутый врасплох пожилой человек в ужасе шарахнулся в сторону, но не успел увернуться. Атакующий железный монстр сбил его с ног и швырнул на рельсы, прямо под вращающиеся ножи колес дрезины. Отведавшее человечины металлическое чудовище отрыгнуло непереваренные останки своей жертвы и так же стремительно исчезло во мраке.

Сразу наступила тишина. И только тьма продолжала клубиться над лужей растекающейся теплой крови и разорванным на куски телом старого машиниста.

Часть I

Убили – значит, убей

Глава 1

Просто бизнес

Их было двое. Заносчивые и самоуверенные, как большинство промышленяющих на поверхности смельчаков, гордо именующих себя сталкерами, они с превосходством и некоторым снисхождением поглядывали на провожающих их людей, основную часть которых составляли дети и молодые женщины, что, по мнению Гончей, было неудивительно. Сталкеры – эти падальщики рухнувшего мира, как она их про себя называла, – регулярно рисковали своими жизнями, за что вся малышня в метро считала их достойными подражания героями. Женщинами же, скорее всего, двигали иные, корыстные цели.

За свои услуги добытчики брали немалую плату, а на Красной линии, где плата в денежном (то есть патронном) эквиваленте как таковая не практиковалась, получали усиленный разнообразный паек и снаряжение. Разумеется, что-то перепало подругам и женам этих смельчаков, поэтому незамужние женщины стремились связать со сталкерами свою судьбу. Держась в нескольких шагах от своих кумиров – ближе подходить почему-то боялись, – поклонницы дарили им улыбки и обещающе строили глазки.

Хотя все эти знаки внимания предназначались обоим героям, реагировал на них только один – молодой парень, немногим старше Гончей. Он был хорошо сложен и недурен собой. Общее положительное впечатление портили его суетливые движения и развязность манер, хотя для подавляющего большинства жительниц Черкизовской он наверняка был идеалом мужчины.

Внимание женщин льстило пареньку, и, чтобы поддержать интерес к своей персоне, он несколько раз подмигнул им, а пробегающему мимо сорванцу отвесил шуточный подзатыльник. За пару часов до того, как сталкеры собрались на вылазку, Гончая встретила этого красавчика у костра, где парень увлеченно рассказывал слушателям о своих героических похождениях. Не меньше половины из того, что он говорил, являлось чужими байками, но хвостун без зазрения совести приписал их себе, за что и получил от Гончей прозвище Болтун.

Напарник молодого краснобаю представлял полную ему противоположность. Он был выше и плотнее. Его малоподвижное, невыразительное лицо не имело бросающихся примет, за исключением массивной нижней челюсти. Это не делало его некрасивым, и свою долю женского внимания сталкер наверняка бы получил, если бы ответил хоть на один призывный взгляд или улыбку. Но он не отвечал. Проверив полученное снаряжение, хмурый парень уселся спиной ко всем на сложенные штабелем деревянные шпалы и принялся молча натягивать резиновые болотные сапоги с высокими голенищами. Гончая тут же назвала его Сапогом.

Помимо женской группы поддержки и детворы, проводить сталкеров пришел сам начальник Черкизовской. Сегодня он был в кирзовых сапогах, груботканых штанах и ватнике, к воротнику которого были пришиты матерчатые красные звезды. Точно такую же одежду носили почти все здешние мужчины, но на главе станции, крепком мужике лет шестидесяти, все это сидело лучше и выглядело не в пример опрятнее. Гончая, с презрением относящаяся к неряхам и оборванцам, сразу прониклась к нему симпатией.

Она расположилась неподалеку, на разваливающемся тухлявом ящике, чтобы не смешиваться с толпой провожающих, но ничто из происходящего у запертых гермодверей не могло укрыться от ее внимательного взгляда – взгляда профессиональной ищейки.

– Ни пуха ни пера, – сказал начстанции, когда закончившие экипироваться сталкеры разобрали оружие: Болтун – армейский «калаш», Сапог – охотничью двустволку-вертикалку.

– К черту! – восторженно воскликнул Болтун, словно только что узнал о свалившейся на него радости.

Его напарник молча кивнул и направился к выходу. И тут один из охраняющих герму часовых неожиданно выдал:

– Когда вернетесь, парни?

Сапог застыл на месте, начстанции стал мрачнее тучи, Гончая закусилась нижней губой. Даже она знала, что такие вопросы не задают перед выходом на поверхность. Потому что можно вообще не вернуться!

– Ты что болтаешь?! – набросился начальник станции на часового. – Любопытство замучило? Так походи наверх и узнай!

– Я же не в том смысле, – принялся оправдываться караульный. – Просто, чтобы, когда ждать...

– Не бойсь, Петюня! Мы мигом, туда и обратно. Заскучать не успеешь. – Болтун хлопнул сконфуженного охранника по плечу и подмигнул напарнику. – Пошли, что ли?

Часовой торопливо приоткрыл тяжелую герму, и сталкеры друг за другом протиснулись в образовавшуюся щель.

– Удачи! – крикнул им вслед начстанции, но на этот раз его слова остались без ответа.

Погрустневшая толпа начала расходиться. Переставшие улыбаться женщины сразу как-то поблекли, словно проступившая в глазах печаль лишила их лица ярких красок.

* * *

Проходящая мимо женщина хмуро взглянула на сидящую на ящике девушку и буркнула:

– Чего на дороге расселась? Хоть костыли подбери. Дай людям пройти.

Костыль, в общем-то, был только один (проводивший осмотр местный доктор решил, что ей хватит и одного, да и хромала Гончая только на одну ногу), но тетка хотела побольнее уколоть пришлую девку, потому что, несмотря на костыль и хромоту, та была моложе, стройнее и симпатичнее ее.

Гончая замахнулась на скандалистку костылем.

– Заткни пасть и вали отсюда, пока зубы целы.

Это была не пустая угроза. Она действительно могла сделать с обидчицей все что угодно: выбить ей зубы, проломить череп или свернуть шею, причем и без костыля, голыми руками. Ничего такого делать она, конечно, не собиралась – нарочитая грубость была лишь частью образа, маской, которую надела Гончая на Черкизовской, – но женщина почувствовала исходящую от девицы опасность и поспешно ретировалась.

С мужчинами так не получалось. Видимо, внешняя хрупкость потенциальной соперницы вводила их в заблуждение, поэтому очень часто свои слова охотнице за головами приходилось доказывать делом. Но Гончая получила свое прозвище не только за быстрые ноги – острые зубы, тугие мышцы и молниеносная реакция тоже сыграли не последнюю роль.

Проводив взглядом улепетывавшую скандалистку, Гончая сладко потянулась и снова уложила на костыль поврежденную ногу. Девушка прекрасно знала, что раздражает жителей Черкизовской своим присутствием. На Красной Линии московского метро безделье, мягко говоря, не приветствовалось. Здесь работали все: мужчины, женщины, подростки, даже старики, – а если кому-то работы не хватало, ее просто придумывали. У красных не было безработных и нищих-попрошаек, и товарищ Москвин, их лидер и вождь, постоянно напоминал всем об этом. Гончая плевать хотела на Москвина, но отсутствие нищевродов создавало для нее серьезные проблемы.

Ни на одну из станций Красной Линии нельзя было заявиться просто так, без объяснения причины. Причем эта причина должна была быть веской и убедительной для станционного начальства. Но еще сложнее было найти повод, позволяющий пришлому человеку задержаться на станции. Только сами жители имели право находиться здесь постоянно, а все прочие – гости или командированные – после завершения всех их дел незамедлительно выдворялись прочь.

Гончая появилась на Черкизовской в облике красного почтальона: матерчатая кепка с козырьком, ушитый по фигуре комбинезон на лямках, почтовая сумка на ремне через плечо. Матерясь и стоная, она вползла на платформу и упала на спину, обхватив руками начинающую опухать левую ногу. Сердобольные пограничники отнесли ее в медпункт, не забыв проверить сумку и обыскать одежду. Но в сумке находились только письма, а в карманах не было вообще ничего. Пограничники убедились, что женщина-почтальон не представляет угрозы, оставили ее на попечение доктора и ушли. Насчет потенциальной угрозы

они сильно ошиблись, но Гончая, разумеется, не стала их разубеждать.

Зато она очень эмоционально, со слезами и истерикой, спорила с доктором, заявившим после осмотра, что у нее нет перелома, а боль в ноге вызвана всего лишь растяжением связок голеностопа. Гончая прекрасно знала это, потому что собственными руками свернула себе стопу (знакомый док в Рейхе подсказал, как это лучше сделать), но продолжала настаивать на том, что у нее перелом. После долгих препирательств местный врач наложил ей на поврежденную ногу тугую повязку, выдал костыль и предложил остаться на Черкизовской на день-другой. За это время боль в ноге, по его словам, должна была пройти.

Нога действительно побаливала, но совсем не так, как пациентка это описала доктору. Она вполне могла ходить без костыля и даже бегать, хоть и немного прихрамывая при этом. Но полученный костыль и особенно подписанное доктором заключение давали ей законное право задержаться на Черкизовской на несколько дней, чего Гончая и добивалась.

Из медпункта она направилась к начальнику станции и вручила ему письменное распоряжение руководителя Красной Линии. Письмо было самым настоящим, отпечатанным на той же машинке, на которой печатались все прочие указы и важные документы. И размашистая подпись лидера красных тоже была настоящей, товарищ Москвин лично приложил к письму руку. Ирония же заключалась в том, что напечатано это письмо было еще месяц назад и адресовалось начальнику совсем другой станции. Но общие указания, повторяющиеся из раза в раз в подобных письмах, в равной степени относились к любому начстанции Красной Линии.

Начальник Черкизовской, прочитав письмо, взъерошил свои седые волосы, потом взглянул на костыль и забинтованную ногу девушки-почтальона и сказал:

- Ты ведь прямо сейчас назад не собираешься? Тогда я завтра ответ черкну.

Гончая кивнула. Назад она пока не собиралась - у нее здесь еще оставались дела.

* * *

После обеда, организованного, как и на всех станциях Красной Линии, строго по часам и сразу для всех жителей одновременно, в гермодверь снаружи настойчиво заколотили. Охраняющий герму часовой засуетился: то ли хотел куда-то бежать, то ли кого-то позвать, – а потом принялся крутить отпирающий засовы штурвал.

– Открывай... твою мать... сожрут сейчас! – донеслось из-за двери, и часовой еще сильнее налег на запорный механизм.

Гончая не поверила своим глазам. Если за дверью собрались хищные твари (а судя по крику с той стороны, было именно так!), то герму ни в коем случае нельзя было открывать, предварительно не организовав оборону. В противном случае можно было погубить станцию и всех ее жителей.

– Стой! Ты что творишь?! – крикнула часовому Гончая, но было уже поздно.

Последний засов вышел из зацепления – и в распахнувшуюся дверь влетел всклокоченный и расхристаный Болтун. Следом за сталкером волочилась маска его противогаза, болтающаяся на резиновом шланге.

– Запирай! Запирай скорее! – Парень бросил свой автомат на пол, прямо под ноги, и принялся помогать часовому.

Общими усилиями они закрыли гермодверь, и караульный снова закрутил задвигающий засовы штурвал.

Гончая перевела дыхание: обошлось. Но на месте начальника станции она бы немедленно сняла этого идиота с поста и под страхом трибунала запретила бы ему приближаться к герме. «Может, рассказать о том, что я видела? – подумала Гончая, но тут же отбросила эту мысль. – Не стоит привлекать к себе внимания. Чем меньше людей на Черкизовской меня запомнят, тем лучше».

Часовой и не подозревал, что сейчас решалась его судьба. Он вытер рукавом выступивший на лбу пот и спросил:

– Чего случилось-то?

– Чего-чего, – передразнил его Болтун. В отличие от побледневшего и явно перетрусившего охранника он полностью успокоился. – Собаки напали, вот чего! Мы уже назад возвращались, через парковку шли. Оттуда до входа на станцию – всего ничего. Вдруг, откуда ни возьмись, собаки. Целая стая! А может, волки, я не разобрал. Место открытое – спрятаться негде, только бежать. Ну, я дал по ним очередь и рванул. Дюжину тварей положил, пока патроны не кончились. Несся так, что аж ветер в ушах свистел. Хорошо хоть успел.

Часовой сочувствующе кивнул.

– Повезло. А напарник-то твой где?

«В гнезде!» – мысленно ответила ему Гончая, но промолчала: умный и сам поймет, а дураку не объяснишь.

– С ним, короче, такое дело... – Болтун обернулся к гермодвери, положил руку на запорный штурвал, даже зачем-то погладил железное колесо, но отпирать запоры, разумеется, не стал. – Нога у него... в общем, подвернулась... Упал он. Ну а я, значит, назад, к нему – помочь, дотащить. А он мне: мол, уходи, прикрою. Вдвоем, говорит, не выберемся...

Болтун перестал разглядывать гермоворота и снова повернулся к впустившему его часовому. Правда, в глаза караульному парень старался не смотреть.

Гончей все стало ясно. На сталкеров напали обитающие на поверхности хищники. Болтун струсил, бросил напарника и сбежал. Застрелил «герой» при этом хоть одну тварь или нет, уже не имело никакого значения, потому что брошенный им Сапог наверняка уже был растерзан монстрами.

Гончая несколько не сомневалась в том, что Болтун лжет, поэтому его оправдания ей были не интересны. Однако у того и без нее нашлись благодарные слушатели. Со всех сторон пассажирской платформы к запертой герме уже спешили жители Черкизовской.

Желающие послушать рассказ о героической схватке сталкера со стаей монстров не переводились до вечера и оставили парня в покое, только когда подошло время ужина. Дождавшись момента, когда толпа, потянувшаяся в сторону общественной столовой, рассосется, Гончая окликнула Болтуна:

– Обожди.

– Чего надо? – Он недовольно обернулся, но, разглядев подтянутую, ладную фигуру незнакомки, сменил гнев на милость. – Помощь нужна?

– Вроде того, – кивнула она. – Но не здесь. Там.

Ее указательный палец нацелился в потолок станции.

– В смысле? – Болтун сначала растерялся, но потом до него начало доходить. Он даже голос понизил. – Наверху, что ли?

– Соображаешь. – Гончая поощрительно улыбнулась и, окинув взглядом опустевшую платформу, указала глазами в темный угол. – Отойдем на пару слов.

– Может, после ужина? – замялся Болтун, но живущий в нем дух авантюризма и неумное любопытство, разбуженные симпатичной незнакомкой, пересилили чувство голода, и он решился. – Ладно, пошли.

* * *

– Значит, ящик консервов и три канистры с бензином?

– Может, с солярой. Мой в этом не разбирается... не разобрался.

Болтун оглянулся в сторону столовой и понизил голос, хотя поблизости и так не было никого, кто мог бы подслушать разговор.

– И ты хочешь...

– Половину всех консервов и одну канистру, – перебила его Гончая. – Все честно. И я иду с тобой.

– Наверх?

– Наверх. И не надейся обмануть меня. Где находится тайник, я тебе все равно не скажу.

– Так, может, там уже нет ничего. Когда твой приятель все это нашел?

– Если не поторопимся, там точно ничего не будет, – отрезала Гончая. – Хватит сопли жевать. Решайся: да или нет. Или я другого помощника найду.

– Сиди! Найдет она. – Рука Болтуна опустилась девушке на плечо, хотя она и не собиралась вставать. – Допустим, я согласен. Но у меня хоть снаряга есть, противогаз, «калаш», опять же. А ты в чем наверх идти собралась: в своих портках, кепчонке и с костылем?!

– Комбез и противогаз, что от моего остались, я в туннеле спрятала. Ствола, правда, нет, поэтому мне для защиты помощник и нужен. С оружием я бы и сама из тайника все вытаскала.

Болтун прикидывал что-то в уме. Гончая терпеливо ждала.

– Ладно, уговорила, я в деле. Когда отправляемся?

– Завтра.

– Завтра? – сталкер недоверчиво покосился на ее забинтованную ногу. – А дойдешь?

– Ты не обо мне, ты о себе думай, – осадила его новоиспеченная напарница. – И о том, как от тварей отбиться, если опять какая-нибудь стая выскочит.

– А если бежать придется?

Гончая смерила сталкера оценивающим взглядом.

– Значит, побегу, – сказала она, а про себя добавила: «И тогда тебе лучше не отставать».

На следующий день, после завтрака, состоящего из грибной каши с отрубями и кружки жидкого чая, Гончая заглянула к начальнику станции.

- Уходишь, значит? – уточнил он, выслушав посетительницу.

- Пора. Я и так у вас задержалась, – подтвердила «почтальон».

- А нога?

- Ничего, дойду. Да и товарищ меня проводит. – Она слегка улыбнулась.

Но седоволосый начстанции не принял ее улыбки и подозрительно нахмурился.

- Это кто ж?

- Сталкер ваш.

В ответ глава станции неопределенно хмыкнул:

- То-то он у меня сегодня на «преображенку» отпросился! И ведь какой предлог выдумал! Снарягу, говорит, надо обновить, напарника нового поискать. Я-то думал, он за дело переживает, а оказывается, это все ему нужно, чтобы с тобой прогуляться.

Гончая тактично промолчала: постороннему человеку не пристало вмешиваться в отношения начальника и подчиненного.

- Ты планы-то на него не строй. По нему знаешь сколько девок сохнут? А тот только... ну, ты поняла.

- Да я и не строю, – изобразила смущение Гончая. Планы на Болтуна у нее действительно были, но совсем не те, какие сидящий перед ней пожилой мужчина, считающий, видимо, себя знатоком жизни и женских уловок, имел в виду.

– В общем, дело твое, – подвел итог начстанции, потом вынул из ящика своего письменного стола аккуратно сложенное и заклеенное письмо. «Товарищу Москвину», – прочитала Гончая ниже выведенного адреса. – Держи. Передашь, кому следует.

– Конечно, – заверила главу Черкизовской «почтальон», пряча письмо в свою походную сумку.

Костыль пришлось вернуть в медпункт. По большому счету, это можно было сделать и раньше, но Гончая добросовестно доиграла роль до конца. Опухоль на месте растяжения почти прошла. Теперь девушка твердо наступала на поврежденную ногу и лишь немного прихрамывала при ходьбе.

Болтун поджидал ее у входа в туннель. Увидев приближающуюся напарницу, он отошел от местных пограничников, с которыми точил лясы, и с недовольной миной шагнул ей навстречу.

– Опаздываешь. Договаривались же сразу после завтрака.

Та не ответила на замечание, а просто спросила:

– Все взял?

– А то. – Болтун кивнул на стоящий на полу туго набитый вещевой мешок и поставленный рядом автомат Калашникова.

Сталкер отработанным движением забросил рюкзак за спину и повесил автомат на плечо, стволом вниз. Гончей было интересно, как Болтун собирается объяснить пограничникам свой уход со станции, но все оказалось до смешного просто.

– Почтальоншу на «преображенку» провожу и вернусь, – объявил он и, чтобы окончательно прояснить все вопросы, похлопал спутницу по упругому заду.

Под дружный хохот караульных «смутившаяся почтальонша» и ее провожатый спустились с платформы и вскоре скрылись в темноте туннеля.

С того момента, как Гончая появилась на Черкизовской, прошло немногим более двух суток. За это время перегон, связывающий станцию с Преображенской площадью, ничуть не изменился: те же скользкие шпалы, та же висящая в воздухе морось, в которой тонул луч фонаря, и тот же запах – удушливый, обволакивающий запах даже не гнили, а вообще непонятно чего.

– Чем у вас так воняет? – не вытерпела Гончая. С ее стороны это была ошибка, прокол!

– А у вас на «преображенке» не воняет, что ли? – спросил Болтун.

– Да мы как-то привыкли, – поспешила исправиться Гончая.

– Вот и мы привыкли, – последовал незамедлительный ответ.

Девушка несколько раз прокрутила в голове услышанную фразу, но не обнаружила в голосе спутника ни настороженности, ни тревоги. Значит, он не догадался, что она оказалась в этом перегоне второй раз в жизни, а на Преображенской площади и вовсе никогда не была.

Какое-то время шагали молча, но Болтун, видимо, не мог долго молчать.

– Через вентиляху вверх полезем? – спросил он. – Я вообще-то ни разу через шахту вверх не поднимался, – признался парень. – А ты?

– Нет, – соврала Гончая. – По мосту между «преображенкой» и Сокольниками пару раз проходила. Но там ничего сложного. Веншахта – это же обычный колодец. В стене – металлические скобы, поднимаешься по ним, как по лестнице.

– Высоко? – не унимался Болтун.

– Мой сказал: метров десять-пятнадцать.

Гончая сама, своими руками и ногами пересчитала все скобы, когда спускалась с поверхности в туннель, и могла точно сказать, что глубина вентиляционной

шахты не превышает десяти метров. Но не признаваться же было в этом Болтуну.

- А скобы-то выдержат?

Девушка внезапно поняла, что ее напарник просто боится. Его следовало немедленно успокоить - не хватало еще, чтобы он передумал!

- Выдержат, - уверенно сказала она. - Раз моего выдержали, то и нас выдержат. А он был здоровый лоб, на полголовы выше тебя, под сто килограммов весом.

- погоди, - насторожился Болтун. - Ты про кого говоришь? Про Леху Крепыша? Так он же два месяца как загнулся!

Гончая понятия не имела, о ком она говорит. Она вообще не знала ни одного сталкера с Преображенской площади, поэтому выдумывала на ходу. А вот напарник, на ее беду, похоже, их всех знал. Нужно было как-то выпутываться.

- Не, - ответила она. - Мой военный был, не из сталкеров.

- Военный? - повторил за ней Болтун. Настороженность из его голоса не исчезла. - А че он тогда наверх полез? Че он там делал?

Гончая резко развернулась к спутнику и, схватив его за ворот, притянула к себе. Парень от неожиданности едва не выронил свой фонарь.

- А тебе какое дело?! Ты что, шпионишь за мной?! На Дзержинскую стучишь?!

Сталкер не был готов к такому натиску. Он изумленно вытаращил глаза и замотал головой.

- Ты че, ошалела? И в мыслях...

- Вот и заткнись! - перебила его Гончая. - Давай, напяливай свою снарягу. Вон веншахта. Дошли.

* * *

Из щели между разъехавшимися тубингами она извлекла резиновые чулки от армейского ОЗК, противогаз и завязанный в узел короткий дождевик. Внутри узла находился смазанный и готовый к бою «макар»[1 - Пистолет Макарова.], который Гончая незаметно для Болтуна засунула за пояс.

Она оделась раньше напарника. Тот долго копался в вещмешке, словно впервые увидел его содержимое. Ее так и подмывало врезать спутнику ногою под зад, чтобы поторопился, но приходилось сдерживать себя. Наконец парень облачился в свое сталкерское снаряжение.

- Готов?

- Готов, готов, - отозвался Болтун. В его голосе отчетливо слышалось недовольство. - Давай, показывай дорогу.

Он пропустил девушку вперед, но вежливостью в его поступке и не пахло. Опытный сталкер всего лишь хотел убедиться, что впереди безопасно. Впрочем, иного Гончая от своего спутника и не ожидала.

Она подошла к уходящей вверх трубе вентиляционной шахты, подпрыгнула, чтобы ухватиться за нижнюю скобу, и без особого труда втянула в черную пасть лаза свое гибкое тело.

Болтуну даже подпрыгивать не пришлось. Он дотянулся до нижней скобы, просто подняв руки, после чего, отталкиваясь ногами от стены туннеля, забрался в трубу. Пусть он и здорово дрейфил, а про себя наверняка на все лады клял пришлую девку, соблазнившую его ценной находкой, но его все же нельзя было назвать слабаком. Гончая решила, что на поверхности с ним не возникнет проблем.

Подъем прошел без осложнений. Ржавые скобы время от времени похрустывали, но держали надежно - ни одна не обломилась. Отсчитав положенное количество скоб-ступеней, Гончая уперлась в чугунную крышку люка и, немного повозившись с ней, сдвинула в сторону. Прежде вентиляционную шахту ограждала невысокая бетонная башенка с железной решеткой, но потом решетку выломали, башенку снесли (или она сама развалилась), а на ее место

забившиеся в метро люди установили крышку обычного канализационного люка.

Какое-то время Гончая ждала, пока ее глаза привыкнут к бьющему в шахту дневному свету, и одновременно прислушивалась к звукам на поверхности. Не услышав ничего настораживающего и подозрительного, она позволила себе выглянуть из лаза, и лишь убедившись, что опасности действительно нет, выбралась из шахты.

Примерно в квартале от люка какой-то зверь с оранжевой гривой и размером с пони, даже немного похожий на карликовую лошадь, облитую ярко-оранжевой краской, ощипывал ягоды и листья с разлапистого куста. Растущая совсем рядом высокая трава оранжевого пони почему-то не заинтересовала.

– На что уставилась? – услышала Гончая голос Болтуна. Пока она разглядывала лошадку, он успел выбраться на поверхность и водил теперь из стороны в сторону стволом своего автомата.

– А, это гуппи, – бросил сталкер, проследив за взглядом напарницы. – Они только листья жрут, на людей не нападают. Двинули, нечего на месте торчать.

Но Гончая никак не могла заставить себя сдвинуться с места, настолько удивительное существо завладело ее вниманием.

– Он оранжевый! Его же хищники, наверное, за километр видят.

– Да хоть за два, – отмахнулся Болтун. – На гуппи никто не нападает, себе дороже. У них мясо ядовитое. Они же ядовитые кусты жрут: листья, цветы, ягоды, – вот их ядом и пропитываются. А яркая шкура у них специально. Предупредительная окраска. Ты еще розовых гуппи не видела.

Сталкер ободряюще улыбнулся. Одно из двух: или на поверхности у него прибавилось смелости, или он перешел черту, за которой больше нельзя было колебаться и медлить.

– Вообще-то встретить безобидного мутанта – к удаче, – заметил Болтун через некоторое время.

– Безобидного? – переспросила Гончая.

– Ну да, травоядного или листоядного – короче, который не нападает. Так что все у нас будет путем! – заявил парень и тут же поправился: – Должно быть.

Гончая поняла, что он затеял разговор, чтобы подбодрить самого себя, но уверенности в его голосе она не заметила. Они шагали по Преображенскому Валу, и сталкер с опаской поглядывал в сторону раскинувшегося слева одноименного кладбища. За два десятилетия, минувших с начала глобальной ядерной катастрофы, оно густо заросло кривыми ветвистыми деревьями. И некоторые ветви (очень толстые ветви!) в этот момент усиленно раскачивались. И Гончая готова была поспорить на что угодно, что ветер тут был совершенно ни при чем.

Словно подтверждая ее опасения, где-то неподалеку раздался протяжный вой. Он никак не мог принадлежать безобидному травоядному мутанту вроде карликовой лошадки. Это был вой хищника! И, судя по всему, голодного.

Вот из-за таких моментов Гончая и не любила выбираться на поверхность. К счастью, ей это приходилось делать нечасто. В метро тоже можно было встретить какого-нибудь монстра. Хищные твари постоянно находили ходы или сами прорывали норы в мир людей. Но в метро охотница за головами, по крайней мере, была в своей стихии, а на поверхности, как и любой другой житель подземелья, – чужаком.

– Кто это? – шепотом спросила она у своего спутника.

Вряд ли Болтун услышал ее слова – из-под его противогазной маски донеслось лишь неразборчивое бормотание, – но он схватил напарницу за руку и подтолкнул к застывшему на рельсах трамваю. Гончая не заставила себя подгонять. Забыв про свою хромоту, она подбежала к вагону, ухватилась руками за оцетинившуюся осколками оконную раму и ввинтилась в разбитое окно. Болтун же обогнул трамвай сзади и вломился внутрь через неплотно закрытые двери. Он потратил чуть больше времени, зато избежал порезов. А вот Гончая рассекла кожу на левой ладони. Не смертельно (если, конечно, в ранку не попала какая-нибудь зараза!), но неприятно. Следовало признать, что парень поступил мудрее. В то же время, если бы их сейчас преследовали хищники, вся его «предусмотрительность» не стоила бы и ржавого патрона. Она бы вообще

ничего не стоила.

Девушка поплевала на ладонь, стерла кровь и замотала порез специально припасенным для такого случая бинтом. Пока она возилась с раной, Болтун ползал на карачках по вагону и с опаской выглядывал из окон, причем во все стороны, – значит, тоже не понял, откуда донесся вой.

– Так кто это был? – повторила Гончая свой вопрос.

– А я почему знаю! – не оборачиваясь, ответил сталкер. – Хорошо хоть один, но, судя по всему, тварь огромная.

Второе утверждение не вызывало сомнений, а вот с первым девушка могла и поспорить: вдруг монстр сзывал воем сородичей, чем не вариант? Но эти мысли она оставила при себе.

– Так чего делать будем: переждем или пойдем дальше?

– Пойдем-пойдем, – передразнил ее Болтун. – Куда идти-то?

Гончая на коленях подползла к нему.

– Вон, видишь? – Она указала на многоэтажное здание за следующим перекрестком. – В том доме, в подвале.

– Ниче себе! – Сталкер даже присвистнул. – Там же подвалы огромные!

– Я знаю, как спуститься. И где искать, – успокоила его Гончая.

Леденящий кровь вой больше не повторялся, но Болтун выждал еще несколько минут, прежде чем покинуть укрытие. Его спутница сочла такую предосторожность оправданной.

С трамвайных путей с молчаливого согласия друг друга решили не сходить. Так и шагали вперед вдоль рельсов до самого перекрестка. Гончая подумала, что людей, привыкших к жизни в метро, отныне всегда будет тянуть к любому железнодорожному полотну: в постъядерном мире примелькавшиеся и

знакомые многим с детства рельсы и шпалы вызывали ощущение покоя и ложной безопасности.

В этот раз даже эти заведомо мнимые ощущения не обманули Гончую, и до нужной многоэтажки она со спутником добралась благополучно. По дороге им на глаза попала лишь небольшая стая поджарых длинноногих собак из четырех особей, которые увлеченно трепали шкуру какого-то зверя, а может, и сталкерский плащ – Гончая не присматривалась. Собаки тоже заметили людей, но не стали нападать – побоялись. Или просто не хотели бросать заинтересовавшую их шкуру.

Убедившись, что звери не собираются атаковать, Болтун со всех ног рванул к многоэтажке. Через минуту он уже выглядывал из входных дверей, жестами подзывая спутницу, а когда та подошла, радостно воскликнул:

– Я же говорил: будет нам удача! Показывай, куда идти. – Он буквально подпрыгивал от нетерпения.

Гончая, заглянувшая в здание накануне, прежде чем снова войти туда, внимательно осмотрелась. Если кто и побывал здесь после нее, то постарался не оставить следов. Во всяком случае, ничего подозрительного она не заметила.

– Давай за мной.

Болтун шагал так близко, что дважды ткнул ее своим автоматом.

– Ствол опусти, – предупредила его Гончая. – А то еще пристрелишь ненароком.

Погибнуть от случайной пули было бы глупо и обидно. Впрочем, необидных смертей не бывает.

– Не учи ученого, – огрызнулся сталкер, но ствол все-таки опустил.

– Сюда, – девушка указала на открытые двери лифтовой шахты. Вместо кабины там виднелась спущенная в подвал металлическая раздвижная лестница.

Сталкер заглянул вниз, потом посветил в шахту своим фонарем, но ничего, кроме толстого слоя пыли и кусков осыпавшейся штукатурки, под лестницей не обнаружил. Гончая ждала, ползет он туда сам или предложит сначала спуститься ей. Ее устраивали оба варианта. Болтун выбрал второй.

- Глянь, что там внизу. Я отсюда прикрою.

- Фонарь дай.

Забрав у напарника фонарь, Гончая спустилась в подвал. Вскоре оттуда донесся ее уверенный голос:

- Все в порядке. Спускайся.

Болтун замешкался, но затем все-таки начал спускаться следом за ней.

- Эй, посвети мне. - Гончая подняла фонарь. - Да не в глаза!

Больше Болтун ничего не успел сказать. Крепкие руки одновременно схватили его с двух сторон и, словно он был мешком с тряпьем, сдернули вниз. Тяжелая ладонь расчетливо съездила по уху, отчего парень на какое-то время оглох и потерял способность соображать.

- Только один? - раздался в темноте грубый, лишенный эмоций голос.

Голос принадлежал человеку в армейской разгрузке, который и показал Гончей и эту многоэтажку, и этот подвал, и вентиляционную шахту, открыв ей путь на Черкизовскую. Он своими руками задвинул за ней тяжелый чугунный люк, когда она спустилась в туннель, а потом более суток ждал с напарником, таким же наемником, ее возвращения.

- Один, - подтвердила девушка. - Второго вчера собаки загрызли.

Она могла этого и не говорить. Наемники не знали, кого конкретно и сколько человек она приведет. По большому счету, это их и не интересовало. Задачей этих людей было доставить женщину и тех, кто с ней, на Семеновскую живыми и невредимыми. Причем последнее условие относилось только к женщине. По

отношению к ее спутникам разрешалось применять силу и даже причинять им вред, лишь бы это не ставило под угрозу их жизни.

Болтун постепенно очухался, но молчал и только крутил головой, пытаясь встретиться взглядом с Гончей. После того как наемники обыскали его и, связав руки, выволокли из подвала, ему это наконец удалось.

– За что? – спросил он, изумленно хлопая глазами.

Та пожала плечами. Она понятия не имела, зачем сталкер понадобился боссу.

– Ни за что. Просто бизнес.

* * *

– От кого ты слышала эти слова?

– От своего последнего нанимателя. Он считал себя режиссером и любил вставлять в речь разные мудреные словечки.

После долгого рассказа в горле саднило. Впрочем, последние дни горло болело всегда: и когда она говорила, и когда молчала. Гончая повернулась на бок и сплюнула в темноту сгусток кровавой слизи. Стало чуть легче, но это было временное облегчение. Никакой печали, а тем более огорчения из-за своего состояния девушка не испытывала. Она знала, что умирает, но ей было на это плевать. После гибели дочери ей стало на все наплевать.

Поп не знал о смертельной болезни собеседницы и своей болтовней упорно пытался пробудить в ней интерес к жизни. Наблюдать за его стараниями было даже забавно.

– И ты знаешь, что они означают?

– Понятия не имею, – призналась Гончая. Она снова перевернулась на спину. В таком положении лучше расслаблялись натруженные мышцы. Среди рабов это мало кто знал, но она не общалась с остальными пленниками, только для попа

сделала исключение. – Отчего-то запомнилось выражение «просто бизнес».

– Прежде люди употребляли эти слова, чтобы продемонстрировать другим свое равнодушие, безразличие, – заметил поп. По примеру Гончей он тоже лежал на спине. Так что общение с девушкой и ему принесло некоторую пользу.

– А сейчас и демонстрировать ничего не надо, – сказала она. – Все и так знают, что остальным на них наплевать.

Священник долго молчал. Гончая даже подумала, что он заснул, и закрыла глаза, но через некоторое время вновь услышала его тихий голос.

– Неужели нам мало того, что уже случилось? Ядерная война, сотни миллионов, даже миллиарды жертв – неужели все это было напрасно? Неужели мы так и не вынесем из этого урок?

– Ты про людей?

– Да-да, – забормотал поп. – Люди – это венец творения...

Гончая мрачно усмехнулась в темноту. Сосед еще что-то говорил, но она не слушала. Из предыдущих разговоров с ним она поняла, что этот сорокалетний мужчина, назвавшийся отцом Ярославом, которого рабовладельцы и сами рабы называли просто попом, был умен и хорошо образован, но сейчас он нес вздор.

– Ты не слушаешь меня?

Вот как священник это понял? Ее лица он видеть не мог. Надсмотрщики держали рабов в полной темноте, огни зажигались только во время работ. Даже своими специально тренированными глазами Гончая не видела вокруг себя ничего, кроме густой темноты. Присутствие рядом других пленников выдавали стоны больных и раненых, их тяжелое дыхание, запахи пота и человеческих испражнений. Однако по запахам и дыханию невозможно было узнать, чем окружающие в данный момент занимаются: спят, прислушиваются к чужим разговорам, бредят, мечтают об избавлении или проклинаят свою загубленную жизнь.

– Слушаю, – соврала Гончая, чтобы сосед не задавался. Впрочем, ей было все равно, что он о себе думает. Да и о ней тоже. – Не успеем.

– Прости, что?

– Не успеем, говорю, урок вынести.

– Но почему? – поп, похоже, растерялся.

– Потому что сдохнем.

– Мы с тобой, скорее всего, действительно не доживем, – согласился он. – И многие другие, но дети...

Его речь оборвалась бессвязным хрипом – собеседница железными пальцами сдавила ему горло. Несмотря на разрушающую тело болезнь, у нее сохранилась молниеносная реакция, а руки еще не утратили былую силу.

– Мою дочь убили! Убили у меня на глазах! А знаешь, почему? Один самоуверенный идиот вообразил, что с ее помощью сможет справиться с чудовищем, одолеть которое никому не под силу. Теперь их очередь! Тех, кто попрятался в метро и думает, что спасся! Они называют себя выжившими, но они ошибаются. Они все умрут. Скоро. И их дети тоже. И мне их несколько не жаль, потому что никто из них не стоит слезинки моей дочери! Ясно?

Поп ничего не ответил, только захрипел. Гончая опомнилась и разжала пальцы, но и после этого священник хрипел еще несколько секунд. Наконец он произнес:

– Ты... очень жестока.

В другой раз девушка рассмеялась бы ему в лицо. Но после смерти дочери она разучилась смеяться. Поэтому ответила просто и без затей:

– Это раньше я была жестокой. А сейчас мне все равно.

Он пытался спорить, взывая к чувствам, которых у нее не осталось. В конце концов, ей это надоело, и она остановила его:

– Хватит болтать, поп. Спи и набирайся сил. Не сможешь копать – тебя прикончат, а мне этого не хочется.

– Тебе будет меня жалко?

Что-то подсказало Гончей, что собеседник улыбается. Но щадить священника, как и обманывать, она не собиралась.

– Мне будет скучно.

Девушка так и не узнала, поверил он ей или нет, потому что до тех пор, как надсмотрщики выплеснули на спящих вповалку рабов несколько ведер холодной воды (именно так всегда происходила побудка), священник больше не произнес ни слова.

* * *

Гончая оказалась на ногах одной из первых. Пока остальные пленники кое-как продирали глаза и корчились под холодными струями, она ловила ртом и сложенными ковшом ладонями льющуюся сверху воду, которая позволяла утолить на время постоянную жажду, смягчить израненное горло и хоть немного смыть с тела въевшийся пот и налипшую грязь.

Судя по рывкам и звону сковывающей их железной цепи, Поп еще только поднимался с земли, но Гончая знала, что через секунду-другую он так же, как и она, подставит рот и ладони под льющуюся сверху живительную влагу. Вода здесь была не так плоха. Во всяком случае, лучше той, какую девушке порой приходилось пить.

В отличие от Гончей, большинство пленников ни умыться, ни напиться не успевали. «Они не умеют распределять и экономить силы, не умеют восстанавливаться в короткие моменты отдыха и не могут защитить свою скудную пайку, за которую здесь идет настоящая война, – с презрением думала она. – Поэтому идохнут как мухи». Надсмотрщиков не очень-то заботила смерть рабов. Раз в несколько дней в шахте (яме!) появлялись новые пленники. И все повторялось.

Если бы кто-нибудь год, месяц или хотя бы две недели назад сказал Гончей, что ее посадят на цепь и она с дюжиной таких же закованных в кандалы бедолаг будет изо дня в день, от побудки до отбоя рыть землю, углубляя какую-то яму, она бы просто рассмеялась тому в лицо. А могла и язык отрезать – в зависимости от настроения.

Как же могло случиться, что та, кого в разных концах московского метро считали безжалостной охотницей за головами, неуловимой шпионкой, фавориткой Рейха и любовницей фюрера, превратилась в измученную, умирающую рабыню без будущего и надежды? Те, кто знали ее, сочли бы такое превращение невозможным. Но для самой Гончей ответ на этот вопрос был очевиден – она перестала бороться.

Глава 2

На цепи

Десятью днями ранее...

Никакого заградительного поста на подходе к станции обосновавшиеся на «волгоградке» сталкеры выставить не удосужились. Никто даже не окликнул Гончую и ее закутанного в плащ проводника, пока они не поднялись с путей на станционную платформу. Несколько суровых мужских лиц тут же повернулись в их сторону, но вопрос задал только один – крепко поддатый мужик, сидящий у ярко горящего костра.

– Рыжий, ты, что ли?

– Я, – ответил тощий проводник.

Он откинул капюшон, стянул с головы противогаз, и Гончая увидела, что его неровно остриженные волосы действительно рыжего цвета.

Поддатый зажмурил один глаз, а другим уставился на измазанную сажей незнакомую молодую женщину с опаленными волосами.

– А это кто?

– Она со мной, – рыжий сначала протянул к огню озябшие ладони и только потом ответил. У него дрожал голос и зубы выбивали дробь, но, как поняла Гончая, не столько от страха перед ней, сколько от холода.

Новых вопросов не последовало. Гончая решила, что знакомство состоялось.

Кроме любопытного мужика возле костра сидели еще четверо: плотные фигуры, грубые грязные руки, хмурые лица, оружие, прочная, хотя и изрядно поношенная одежда. Присмотревшись к незнакомцам более внимательно, Гончая изменила мнение об их лицах. Для людей, которые не привыкли улыбаться, у этих физиономии скорее можно было назвать веселыми. Рыжий проводник понял это даже раньше спутницы.

– А че празднуем? – спросил он, подсаживаясь к костру.

– Скелет проставляется, – объявил его недавний собеседник и ткнул пальцем в соседа слева, потом взглянул на помятую алюминиевую кружку, которую держал в руке, и уточнил: – А по какому поводу, кстати?

– Тебе не все ли равно? – ответил тот. – Пей давай.

Он действительно напоминал оживший скелет – если не телосложением, то своим очень бледным лицом, на котором контрастно выделялись темные глаза с неестественно расширенными зрачками.

В руках Скелета тут же появилась металлическая фляга, из которой он принялся щедро наполнять подставляемые сталкерами кружки. Хватило и на долю Рыжего, и даже Гончей кто-то протянул полную до краев посудину.

– За удачу, – предложил Скелет и поднял вверх свою внушительную флягу.

– За удачу, – отозвался кто-то. Остальные выпили молча.

Гончая тоже поднесла кружку ко рту.

– Прости меня, Майка. Прости, любимая, – прошептали ее сухие растрескавшиеся губы. – Пусть там, где ты сейчас, тебе станет легче.

Она знала, что это невыполнимое желание, – не станет ее мертвой дочери легче, нигде (никогда!) не станет, потому что повсюду: и в этом мире, и в том, другом, – одна и та же бездна.

Гончая зажмурилась и, не отрываясь, выцедила до дна предложенное угощение. Сивушное пойло не принесло облегчения, но она на это и не рассчитывала. К боли в сердце прибавилась горечь во рту. «Хоть что-то новое», – подумала девушка и открыла глаза.

Мужик, недавно расспрашивавший Рыжего, лежал на полу, рядом валялась его пустая кружка. Сам проводник раскачивался из стороны в сторону и очумело тряс головой. Еще трое сталкеров тоже распластались возле костра, и только Скелет сидел прямо и неподвижно. Потом он повернулся к Рыжему и ударил его своей железной флягой в лоб. Тот на мгновение замер, словно о чем-то задумался, и с протяжным «ох-х-х» опрокинулся на спину. Скелет удовлетворенно кивнул и начал подниматься на ноги.

Он вставал очень медленно. За это время Гончая могла, наверное, раз десять проломить ему череп пружинной раскладной дубинкой, которую подобрала на месте гибели дочери, но почему-то этого не сделала. Возможно потому, что руки налились свинцом, а ноги будто приросли к полу. Когда-то с ней такое уже случилось, но она никак не могла вспомнить, когда и где.

Скелет все-таки поднялся на ноги, окинул застывшую перед ним девушку оценивающим взглядом и сказал:

– Падай, ты тю-тю.

«Что значит “тю-тю”?» – подумала Гончая и упала.

* * *

Ревущее пламя несется навстречу. С каждым мгновением огненный вал все ближе и ближе. От него нет и не может быть спасения. Гончая это знает, и ее висящая над пропастью дочь, которую она держит за руку, тоже знает.

«Мама».

«Майка».

«Люблю тебя!»

Они разговаривают без слов. На слова не осталось времени. Гончая смотрит в лицо дочери, в ее пронзительные зеленые глаза, яркие и нежные, как только что распутившиеся весенние листья. Смотрит, пока та не исчезает в вырвавшемся из бездны огненном вихре.

«Майка!»

Гончая пытается дотянуться до девочки, но огонь с яростью вгрызается женщине в лицо. Она пытается увернуться, отталкивает чьи-то руки, но это не Майкины нежные ручки. Ладони сильные и грубые – мужские! В одной из этих чужих рук Гончая замечает горящий факел. Это он обжег ей лицо. Но где же Майка?! Где пропасть? Где выползшее из бездны чудовище? Или это всего лишь сон, кошмар?

Вместо затянутого тучами хмурого неба она увидела над собой покатым каменный свод, а по бокам – такие же каменные стены. Камни были очень старые, грубо обтесанные и напоминали обычные булыжники. Стыки между ними заросли белесым мхом, но что-то подсказывало Гончей, что те, кто делал эту кладку, обходились без цементного раствора, потому что попросту не знали о нем.

«Майка, прости», – прошептала она и замерла, перестав сопротивляться шарящим по телу мужским рукам.

– А эта живая! Даже брыкается, – воскликнул обыскивающий ее незнакомец.

– Этот тоже, – раздалось в ответ. Второй голос Гончая уже слышала и знала, кому он принадлежит – Скелету, бледному пройдохе с Волгоградского проспекта, от дармовой выпивки которого и она, и рыжий проводник, и прочие сталкеры попадали в обморок.

– Еще первый, – подсказал незнакомец.

– Толку-то? – вздохнул где-то в темноте Скелет. – У него же ноги отнялись. Проводникам такой раб не нужен.

Он отошел в сторону. Гончая слышала его удаляющиеся шаги, звяканье перебираемого железа, потом – вязкий удар (с таким звуком плохо заточенный металл входит в человеческую плоть), за которым последовал чей-то предсмертный хрип.

– Ты свяжи ее, а то еще сбежит.

Скелет был совершенно спокоен, словно не он только что убил человека.

– Да куда ей бежать? – ответил ему незнакомец и потянулся за мотком толстой веревки, которой собирался связать пленницу.

«Поздно», – подумала Гончая. Но сокрушительный удар, которым она собиралась встретить повернувшегося к ней незнакомца, на деле обернулся жалким, бессильным толчком, и противник без труда отпихнул ее руку. Возможно, отравы, которой ее опоил Скелет, еще действовала. Но скорее всего, у нее просто больше не было сил, чтобы оставаться настороже, следить за обстановкой и поддерживать в себе постоянную готовность к схватке. Все потому, что после смерти дочери ей стало некого защищать и не за кого бороться, а собственная жизнь за два дня одиночества и невыносимой тоски полностью утратила ценность.

Через несколько секунд на запястьях Гончей затянулась веревочная петля, после чего незнакомец принялся обматывать веревкой сведенные локти пленницы. Та женщина-кошка, которую знала Майка, ему бы этого не позволила. Молодая женщина умела сражаться и со связанными руками. Даже если враги связали бы ей руки и ноги, это не избавило бы их от опасности, потому что еще оставались зубы. И уж конечно, та, другая Гончая никогда не стала бы пить из

предложенной незнакомцами кружки. Так как знала, что в рухнувшем мире никто просто так, на халяву, не угощает чужака, и помнила однажды услышанную старую поговорку про бесплатный сыр и мышеловку.

Но нынешняя Гончая лишь равнодушно наблюдала, как толстая веревка виток за витком обхватывает ее локти. После смерти Майки в бывшей охотнице за головами что-то оборвалось – то, что в минуты опасности заставляло ее сердце учащенно биться, разгоняя по жилам кровь, и подпитывало тело жизненными силами. Так лопнувшая тетива превращает лук из смертоносного оружия в бесполезную кривую палку.

Закончив свое дело, незнакомец дернул за веревку, заставив пленницу встать. Гончая встала. В нескольких шагах от нее Скелет поднял другого связанного человека на ноги, и она увидела перед собой рыжего сталкера, показавшего ей путь к Волгоградскому проспекту. Рыжий тоже узнал ее, и его глаза налились лютой злобой.

* * *

Повороты сменяли друг друга, а ход все не кончался. Гончая прошла сотни тысяч шагов по туннелям московского метро, побывала во многих перегонах и на большинстве станций, но в этом потайном ходу оказалась впервые. Скорее всего, он вообще не имел отношения к метро. Судя по массивным булыжникам, из которых были сложены стены и свод, этот туннель прорыли еще в те времена, когда жители Москвы не пользовались автоматами, пистолетами и многозарядными дробовиками, а убивали друг друга с помощью сабель, бердышей и пищалей и носили не химзу и противогазы, а кафтаны и кольчуги.

Несмотря на заросшие мхом вековые камни, здесь было на удивление сухо. На голову не капала просачивающаяся вода, под ногами не хлюпали лужи. Даже факелы, которыми освещали путь Скелет и его безымянный подручный, горели ровным и ярким пламенем, что могло быть только при постоянном притоке свежего воздуха. А это означало, что подземный ход вентилируется.

Он был довольно узким, поэтому шагать приходилось по цепочке, друг за другом. Первым шел безымянный незнакомец. Гончая так и не узнала, как его зовут, потому что, переговариваясь между собой, Скелет и этот человек никак не называли друг друга. В одной руке незнакомец держал факел, в другой –

конец веревки, связывающей руки Рыжего. От него веревка тянулась к запястьям девушки, а конец находился в руках Скелета, который и замыкал цепочку.

Гончая шагала спокойно, а рыжий пленник нервничал и постоянно оглядывался на нее, из-за чего несколько раз упал. Ему повезло, что это случилось на мягкой земле, а не на камнях, и он себе ничего не сломал, иначе похитители, скорее всего, прикончили бы его так же, как прикончили бедолагу, у которого отнялись ноги.

Не то чтобы Гончая жалела парня, но и наблюдать за тем, как он гробит себя, не доставляло ей удовольствия.

- Под ноги гляди, если еще пожить хочешь.

- Учить меня еще будет, - прошипел Рыжий и внезапно заорал во все горло: - Чтоб ты сдохла, гадина! Из-за тебя все!

У парня явно поехала крыша, но Гончую это не удивило. Она не раз наблюдала такое. Он еще довольно долго что-то бормотал себе под нос, периодически посылая в ее адрес различные проклятия, а потом замолчал.

В какой-то момент девушка поняла, что подземный ход стал шире. Она заметила это, когда специально шагнула в сторону и увидела перед собой не каменную кладку, а слой утрамбованной плотной земли. Тяга здесь была хуже, факелы сразу начали чадить. И еще появился запах. Вонь выгребной ямы и множества немых человеческих тел. А потом... Потом похитители и их пленники оказались в круглой норе или пещере, которая уж точно не имела отношения к метро.

* * *

Электрического освещения здесь не было и в помине. Пещера освещалась только горящими факелами и развешанными по стенам кустарными масляными светильниками. В самом центре располагалась высокая, примерно в два человеческих роста, конструкция с вращающимся воротом, от которого куда-то вниз уходил стальной трос. Точнее определить было нельзя, потому что этот

странный механизм был окружен настоящим частоколом из обтесанных шпал, кусков рельсов, труб, арматурных прутьев и каких-то жердей.

Еще более странно выглядели обитатели норы-пещеры, расхаживающие вокруг. С виду это были обычные люди, только очень грязные и неряшливо одетые. Некоторые вообще разгуливали с голым торсом. Но всех этих чумазных оборванцев объединяла одна деталь – их обнаженные руки и голые тела были покрыты одинаковыми татуировками, изображающими существо с телом человека, крысиной головой и длинным, узким хвостом, но не крысиным, а больше напоминающим змеиный.

Пока Гончая разглядывала обитателей пещеры, те тоже повернули головы к новоприбывшим, потом откуда-то появилась целая процессия, возглавляемая рослым длинноволосым человеком в черном плаще. Вообще длинные волосы сами по себе были редкостью в метро, так как требовали регулярного ухода. По этой причине и мужчины и женщины стриглись одинаково коротко, и Гончая не составляла исключения. Но этому типу явно не было дела до общих правил. В одной руке у него был толстый и длинный заточенный с одного конца арматурный прут, на который он опирался как на посох. Еще большее сходство с посохом придавал оскаленный крысиный череп, насаженный на противоположный, тупой конец прута.

Следом за длинноволосым предводителем семенил невысокий человек с крючковатым носом и что-то настойчиво втолковывал главарю, а позади них шагали четверо молчаливых громил, вооруженные свернутыми кнутами и короткими самодельными дубинками. Верзила эти, скорее всего, являлись личными охранниками предводителя, а его неумолкающий спутник напоминал писаря или счетовода.

– ...смертность высокая, приходится постоянно землекопов пополнять. Нам бы торговлю на постоянной основе наладить, будет чем с поставщиками расплачиваться, – услышала Гончая его слова.

Главарь молча отстранил своего советника, даже не взглянув на него, и обратился к Скелету, который при его приближении смиренно наклонил голову.

– Кого ты привел нам, хитроумный Скелет?

Гончая хмыкнула, но сам Скелет, похоже, не считал обращенный к нему эпитет смешным.

– Сталкеров: парня и девку, о великий Проводник.

Длинноволосый поморщился.

– Только Бафомет и его хозяин достойны титула «великий»! – воскликнул он и ударил посохом в землю. Но вместо того чтобы вонзиться в мягкий грунт, заточенное острие выбило целый сноп искр из камня, хотя Гончая могла поклясться, что еще секунду назад никаких камней под ногами у обладателя посоха не было.

– А меня зовут Харон, – закончил длиноволосый и, обернувшись к пленникам, объявил: – Сталкеры, властью, данной мне Бафометом, я освобождаю вас от прежних обязательств! Отныне и навсегда вы слуги Сатаны!

– А ты сам-то кто, патлатый? – спросила Гончая. Ей было все равно, кем он себя считает. Мало ли в метро сумасшедших? Но уж слишком самоуверенно он держался – даже Стратег бы позавидовал. Надо было сбить с него спесь.

– Я Харон, проводник в обитель Сатаны, в его царство тьмы! – последовал незамедлительный ответ.

Гончая пожалела, что задала свой вопрос. Длинноволосый не придурился, он действительно верил в то, что говорил. А с сумасшедшими, как известно, спорить бесполезно.

Тем временем самозванный Харон обошел Скелета, миновал рыжего пленника и остановился перед Гончей. Несколько секунд он в упор разглядывал молодую женщину, у нее даже возникло ощущение, что он пытается просверлить взглядом дырку в ее лбу. Внезапно глаза Харона закатились, а разбросанные по его плечам волосы встали дыбом, превратив лицо в окруженную лохматой гривой звериную морду.

А потом Гончая услышала:

– Спасла свою дочь?

Губы Харона шевелились, но голос не принадлежал ему. Этот голос она слышала в фашистском концлагере, куда штурмовики бросили ее вместе с дочерью. Они обе слышали его и решили, что с ними говорит кто-то из заключенных в соседней камере. Но затем Гончая узнала, что накануне фашисты уничтожили всех узников, и они с Майкой были в концлагере единственными пленниками.

– Что бы ты ни делала, все равно умрешь. Так же, как и она. Ты уже умираешь. Смирись, и твоя смерть будет легкой.

У Гончей перехватило дыхание. «Это невозможно! Он не может знать!»

Напоминающий зверя человек взметнул свой посох и, ударив им о землю, выбил новый сноп искр. Девушка невольно зажмурилась, а когда открыла глаза, перед ней стоял прежний Харон с лежащими на плечах сальными волосами и блуждающим озадаченным взглядом.

– В яму их, – скомандовал он и отступил назад.

К пленникам тут же подскочили татуированные голодранцы. Один из них тащил за собой железную цепь, на концах которой болтались кандалы, другой – увесистый слесарный молоток и заклепки. Сразу несколько рук вцепились в Гончую. Двое оборванцев ловко стащили с нее походные ботинки, третий защелкнул на ее лодыжке кандалы, четвертый вогнал в замок заклепку и расплющил острый конец молотком. Другой конец цепи приковали к ноге Рыжего, после чего пленникам развязали руки.

Стоя в стороне, длинноволосый предводитель молча наблюдал за происходящим. Его похожий на счетовода советник решил воспользоваться моментом и снова забубнил хозяину в ухо:

– Я еще вот что думаю. А если копать со станции глубокого залегания? Оттуда же к центру Земли ближе, значит, и до ада... то есть до обители ближе. Метров на двадцать, а то и на все сорок ближе. Это ж какая экономия! Может, нам туда перебраться?

Что ему ответил Харон, Гончая не услышала, потому что полуголые последователи Сатаны подхватили ее на руки и вместе с Рыжим поволокли к частоколу, за которым скрывалась глубокая яма, куда и уходил трос. Несколько человек принялись вращать ворот, и вскоре из ямы показалась привязанная к тросу железная бочка.

Конвоиры (или заключенные – Гончая так и не разобралась, кем были полуголые люди со странными татуировками) велели пленникам забраться в бочку. После недолгих колебаний парень это сделал. Девушке поневоле пришлось последовать за ним, только она не стала забираться внутрь (вдвоем они там бы и не поместились), а встала на край бочки, взявшись руками за трос.

Снова заскрипел ворот, и импровизированный подъемник, раскачиваясь из стороны в сторону, заскользил вниз.

* * *

Чем глубже в яму опускалась бочка, тем сильнее становился смрад. Рыжий спутник зашелся кашлем, и его стошнило прямо на собственные штаны. Но Гончей не было дела до прикованного к ней парня – она разглядывала тени, копошащиеся на дне ямы. Их было много, не менее дюжины, и для того, чтобы распознать в этих грязных, полуголых существах людей, требовалась изрядная доля воображения.

– Кто это? – с ужасом прошептал Рыжий.

– Мы, – ответила она ему. – Скоро.

Прежде чем он успел еще что-то сказать, бочка ударилась об изрытое дно ямы и опрокинулась. Гончая мягко спрыгнула на землю, ее спутник оказался не таким проворным и ударился головой, да еще распорол плечо об острый край бочки и расцарапал спину, когда вылезал наружу.

– А-а, – заныл он. – Откуда ты только взялась? Если б не ты, сидел бы я сейчас с мужиками на «волгоградке» или в баре на Таганской и самогонку пил!

– Сопли подбери, – оборвала Гончая его причитания.

Ничего хорошего для себя она здесь не ожидала, но опасность исходила не от Рыжего. Со всех сторон на новеньких пялились голодными и злыми глазами изможденные люди, с ног до головы перемазанные землей.

– Есть че пожрать? – спросил самый рослый из них, мужчина с расцарапанным лицом и многодневной щетиной, которую набившаяся между волос грязь превратила в засохшую корку.

Не получив ответа, он бросился на Гончую с растопыренными руками. Она не хотела ввязываться в драку, поэтому просто отступила в сторону. Цепь на ее ноге натянулась, не заметивший этого противник запнулся и растянулся на земле. Вместе с ним рухнули прикованный к нему бородатый старик и рыжий спутник Гончей, который только что поднялся на ноги. Пример оказался действенным – больше никто из оголодавших узников не отважился проверить карманы новой пленницы. Все вдруг будто забыли о ее существовании. Они сгрудились возле опрокинувшейся бочки и, задрав головы вверх, принялись выкрикивать одно и то же:

– Еды! Еды! Еды...

– Восславьте Сатану! – раздался сверху голос Харона.

– Слава Сатане, – вырвался из толпы на дне ямы робкий женский голос. Но уже через секунду его поддержали с полдюжины мужских глоток: – Слава Сатане! Слава Сатане!

Гончая брезгливо сплюнула под ноги. Кем бы ни воображал себя спятивший Харон – слугой Сатаны, приспешником Бафомета или человеком-крысой, – плясать под его дудку она не собиралась. И орать тоже.

– Крепись, сестра, – раздался среди похожих на собачий лай визгливых выкриков чей-то спокойный голос, который не мог принадлежать никому из сбившихся в кучу и выпрашивающих подачку оборванцев.

Гончая оглянулась. У стены стоял худой человек, такой же грязный, как все остальные, но смотрел он не вверх и не на прикованного к нему напарника, а на новенькую.

– Можно отнять у человека еду и одежду, даже жизнь. Но нельзя отнять веру и достоинство, если он этого не хочет, – сказал мужчина.

– И не позволит, – добавила Гончая.

Странный человек понимающе кивнул.

Больше они ничего не успели сказать друг другу. В яму что-то посыпалось, голодные узники с криками бросились это подбирать и выхватывать друг у друга из рук. Благодаря своей сноровке, Гончая поймала один из падающих предметов. Им оказалась жареная крысиная тушка, причем довольно крупная. Кто-то из толпы тут же попытался отнять у нее добычу, но, наткнувшись на кулак, вонзившийся ему под дых, захрипел и отвалил прочь.

Девушка разорвала крысу пополам и протянула одну половину Рыжему – какой-никакой, а все-таки напарник, – но тот оттолкнул ее руку: либо не был голоден, что вряд ли, либо еще не оправился от шока. Тогда Гончая, подчиняясь внезапному порыву, протянула половинку крысы тому странному мужчине, который по-прежнему стоял у стены. Он не торопился принимать подношение, но и не отказывался от него.

– Тебе нужны силы, сестра.

Гончая прикинула, сколько незнакомцу лет. Если судить по голосу (в яме было слишком темно, чтобы разглядеть этого человека) – сорок-сорок пять. По возрасту он годился ей в дядьки или даже в отцы.

– Тебе тоже... папаша, – съязвила она.

Тот благодарно кивнул, принял кусок крысы левой рукой, а правой изобразил странный жест, будто хотел коснуться пальцами лба, живота и плеч угостившей его женщины.

– Храни тебя Господь.

Это оказалось настолько неожиданно, что Гончая даже растерялась на миг. Она не раз замечала, как крестятся жители метро, но не обращала на таких людей

внимания. Да они и сами этого не хотели – крестились украдкой, редко кто делал это открыто. Но еще никто на ее глазах не осенял крестом кого-то другого!

«Священник!» – полыхнула в мозгу внезапная догадка.

От нелепости ситуации Гончей стало смешно. Она много лет скиталась по метро; где только ни побывала за эти годы: и у ганзейских купцов, и у браминов в Полисе, у идейных анархистов на Войковской, у красных, фашистов и отъявленных бандитов, – а священника встретила впервые, причем не где-нибудь, а в плену у поклонников Сатаны. Впрочем, чему было удивляться? В рухнувшем мире все перевернулось с ног на голову.

– Ты священник? – все же уточнила она.

– Отец Ярослав. Правда, здесь меня называют просто поп.

Теперь Гончая смогла разглядеть его лицо: глубокие морщины вокруг рта, необычайно светлые, внимательные глаза, обильная седина в криво остриженной, измазанной грязью бороде.

– Ешь давай, поп, – усмехнулась девушка и, подавая пример, вонзила зубы в свою половину добычи. Крысиное мясо оказалось жестким, горелым снаружи и сырым внутри. Но вполне съедобным.

Когда Гончая снова взглянула на священника, то с удивлением обнаружила, что тот так и не притронулся к своей порции. Вместо этого он неожиданно спросил:

– Как тебя зовут, сестра?

– Кто как, – ответила она с набитым ртом. – Гончая, Катана, даже Валькирия.

Сейчас все эти прозвища казались ей чужими и бессмысленными.

Священник поморщился.

– Это все клички звериные. А настоящее имя, человеческое?

– Человеческое, – повторила за ним Гончая. Перед ее мысленным взором всплыло лицо Майки с изумленно вытаращенными глазенками: «У каждого человека должно быть имя!» Это была их общая сокровенная тайна. Уже более десяти лет, с тех пор как сбежала от матери, Гончая не произносила свое настоящее имя вслух.

Она покосилась на закованных в цепи пленников, жадно пожирающих крыс и вырывающих друг у друга еще недоеденные тушки, затем снова обернулась к священнику.

– Где ты здесь видишь людей?

– Прямо перед собой, – не моргнув глазом, ответил тот.

Гончая сплюнула ему под ноги густую, темную от крови слюну.

– Ошибаешься, поп. Я уже три дня как мертва.

Развивать свою мысль она не стала: молча уселась на землю, спиной к надоедливому проповеднику, и принялась грызть жесткое, безвкусное мясо.

* * *

Работа пленников заключалась в том, чтобы рыть и нагрывать вырытую землю в привязанную к вороту бочку. Не копать, а именно рыть, потому что то, чем занимались посаженные в яму люди, нельзя было назвать копкой. Ни лопат, ни каких-либо других инструментов у них не было. Некоторые счастливцы довольствовались пробитой солдатской каской, крышкой от кастрюли или какими-то ржавыми кривыми пластинами. Те же, кому этих железяк не досталось, ковырялись в земле голыми руками. Когда бочка наполнялась, ее вытаскивали из ямы, опорожняли, затем спускали вниз, и все повторялось.

За закованными в кандалы рабами придирчиво наблюдали надсмотрщики, восседающие на опущенных в яму лестницах, и если замечали того, кто, по их мнению, трудился недостаточно усердно, немедленно наказывали провинившегося ударами длинных, скрученных из сыромятных ремней бичей.

Поначалу свист хлыстов и крики раненых рабов слышались часто, но со временем надсмотрщики подустали махать своими кнутами, и число наказаний заметно снизилось.

Гончая не столько рыла землю, сколько изображала работу, но делала она это убедительно, поэтому избежала экзекуции, а рыжий напарник, хотя и старался изо всех сил, получил-таки несколько ударов кнутом. Самым неудачным для парня оказался последний удар – хлестнувший ремень рассек бедняге кожу на спине и ободрал шею. Но вместо того чтобы беречь свою шкуру, Рыжий задался целью непременно выяснить, куда он попал.

– Где мы? Что это за место? – приставал он с одними и теми же вопросами к другим пленникам.

Те хмурили лица и отмалчивались, а один даже вlepил парню затрещину, но, в конце концов, прикованный к попу хромоногий старик не выдержал.

– У сатанистов. Не понял, что-ли?

– У сатанистов, – повторил за ним Рыжий. – Это те, которые за дьявола?

Старик кивнул.

– Харон у них главный. Еще Коготь есть, все рядом трется. Других не знаю.

– А чего им надо? – не унимался сталкер.

– Чтоб мы сдохли, вот чего! – ответил старик и сплюнул. – Яму эту копать заставляют, чтобы, значит, до ада добраться. Замысел, видишь, у Харона такой. В гости к Сатане захотел. Думает, тот его к себе на трон посадит!

Хромой говорил все громче. Он видимо забыл, что охранники могут его услышать, и вскоре поплатился за это. Звонко взвизгнул кнут, витой конец хлыста вспорол ветхую одежду старика, а вместе с ней и кожу на его согбенной спине.

– Работай, раб! – донеслось сверху.

Рыжий испуганно ахнул и принялся остервенело царапать ногтями неподдающуюся землю, а хромой втянул голову в плечи и отполз в сторону, но работать так уже и не смог, даже несмотря на новые удары, которыми его осыпали надсмотрщики. К концу дня старик совершенно обессилел от беспрестанных побоев, ничком повалился на землю и больше не двигался.

Видимо, расправы над пленниками у сатанистов были в порядке вещей, потому что никто из рабов даже не взглянул на лишившегося чувств товарища по несчастью. Только священник подошел к избитому напарнику, опустился возле него на колени и что-то забормотал на своем непонятном языке. Поп просидел возле старика, пока тот не перестал дышать. Почему тюремщики не стали бичевать отца Ярослава, так и осталось для Гончей загадкой.

Тело погибшего хромого пролежало в яме до отбоя. О том, что рабочий день окончен, объявил не Харон, а его советник – надо полагать, тот самый Коготь. Потом в яму по лестнице спустились двое надсмотрщиков, сбили с ноги мертвеца кандалы, а тело забросили в бочку, после чего тем же путем выбрались из ямы, не обращая никакого внимания на застывших в немом ожидании рабов. Если бы те скопом набросились на своих мучителей, то придушили бы их в два счета. Однако забитые, перепуганные пленники даже не помышляли о нападении, и охранники прекрасно знали об этом.

После традиционного восхваления Сатаны в яму вновь посыпались жареные крысы. На этот раз Гончая не стала мешкать и поймала сразу две тушки. Она сильно устала за день, хотя практически ничего не делала, да и голод все настойчивее давал о себе знать. Делиться с Рыжим и в этот раз не пришлось – тот отобрал крысу у какого-то доходяги, и Гончая, как и накануне, отдала половину своего улова священнику.

– Что ты шептал, когда сидел возле умирающего старика? – спросила она за едой.

– Я молился, сестра, – ответил тот.

– Думаешь, он тебя слышал?

- Я разговаривал не с ним. Молитва – это обращение к Богу.

- И о чем же ты просил своего бога, поп?

- Чтобы Господь облегчил страдания этого несчастного и принял к себе его грешную душу.

Рассуждения о душе Гончая проигнорировала, а вот насчет страданий решила поспорить.

- Что же ты даже не попытался помочь старику, обработать его раны, например, если хотел избавить его от страданий?

- Считаешь, это помогло бы ему?

- Нет, – после недолгого размышления ответила Гончая. – Он бы все равно умер от побоев. Может, протянул лишний час, но вряд ли.

Поп вздохнул.

- Порой мы не в состоянии помочь своим ближним, но всегда можем обратиться за помощью к Богу.

- Отчего же не в состоянии? Например, я могла бы свернуть старикану шею.

Священник покачал головой – то ли осуждая девушку, то ли признавая за ней такое право.

- И ты уже делала это, сестра?

Гончая взглянула ему в глаза. Человеку с таким взглядом сложно было солгать. Но она и не собиралась.

- Однажды. Но тогда у меня был пистолет.

* * *

На пятую ночь в яме у Рыжего случилась истерика. Гончая спала, когда он схватил ее обеими руками за горло и принялся душить.

– Ведьма! Ведьма! – орал он, брызгая на нее слюной и заливая катящимися по его лицу слезами. – За что ты так со мной?! Зачем сюда привела?! Смерти моей хочешь? Так убей! Убей!

О том, что она такая же пленница, как и он сам, тот, очевидно, забыл. Но напоминать ему об этом Гончая не стала, да и не смогла бы, пока он сжимал ее шею. Поэтому выбрала более действенный способ – ударила парня ладонями по ушам. Рыжий отшатнулся и отпустил ее, но не перестал голосить.

– А-а! Больно! За что?! Пустите! Что я вам сделал?!

– Успокойся, отрок, – проснувшийся поп попытался взять его за руку.

Но тот отмахнулся, ударив священника по лицу, потом вскочил на ноги, но, натянув прикованную к ноге цепь, рухнул в гущу спящих вповалку тел. Оттуда донеслись недовольные крики и звуки новых ударов. Цепь несколько раз сильно дернули, едва не сломав Гончей лодыжку.

– А ну затихли все! Жить надоело?! – крикнула девушка в копошащуюся и брыкающуюся людскую массу.

Это не подействовало. Гончей пришлось схватиться руками за цепь, чтобы сдерживать ее натяжение.

Поп продолжал взывать к благоразумию и бормотать свои бесполезные молитвы, но с тем же успехом он мог забиться в какую-нибудь щель и помалкивать – на него никто не обращал внимания.

Возня и драка прекратились, только когда на спины сцепившихся рабов сверху свалился горящий факел. На ком-то вспыхнула одежда, у кого-то загорелись волосы. Дерущиеся отпрянули было в стороны, но их цепи перепутались между собой, и разойтись оказалось непросто. Кое-как рабы распутали свои оковы и

отползли к земляным стенам. В центре, возле горящего факела, остался только изрядно помятый Рыжий. Разорванный в драке свитер и майка сползли с его плеча, которым он несколько дней назад напоролся на ржавый край железной бочки. Гончая увидела на этом месте сочащуюся гноем открытую рану, а вокруг нее – вздувшийся багровый нарыв. Причем воспаление уже распространилось на спину и на шею парня.

Гончей не требовалось специальных медицинских знаний, чтобы понять, что происходит с Рыжим. На своем веку она повидала немало таких гноящихся ран. Знала и название объединяющей их страшной, практически всегда смертельной болезни – гангрена!

К утру у него подскочит температура, если уже не подскочила. Скорее всего, его истерика – результат именно этого. К вечеру он будет стонать от боли, а на следующий день, если доживет, мечтать о смерти. Гончая вздохнула. Она не считала Рыжего своим товарищем, тем более другом. Она даже не знала его настоящего имени, но ей все равно было жаль беднягу.

Вскоре по опущенной сверху лестнице быстро спустились несколько надсмотрщиков с горящими факелами в руках и советник Харона по прозвищу Коготь. Он обвел хмурым взглядом притихших узников и безошибочно указал на Рыжего.

– Ты кричал?

Во время потасовки кричали многие, но из жмущейся у стен ямы толпы рабов тут же вынырнула чья-то грязная заскорузлая рука и тоже нацелилась на несчастного парня.

– Он, он это! И драку затеял тоже он!

Гончая узнала голос заросшего детины, который пытался обыскать ее в первый день, надеясь найти в ее карманах что-нибудь съестное.

– Наверх его, – скомандовал Коготь.

Рыжий даже не успел ничего сказать в свое оправдание. Его сбили с ног, один из надсмотрщиков выбил из его кандалов шпалит специально прихваченным для этого молотком, другие скрутили парню руки и поволокли за собой. Потом обладатель молотка тем же манером снял кандалы с попа и приковал его к лишившейся напарника Гончей. Молчавший до этого момента Рыжий, очевидно, понял, что его судьба решена, и тихо, по-щенячьи завыл.

Неожиданно священник выступил вперед и даже попытался схватить Когтя за руку.

– Куда вы забираете этого человека?

Более глупого вопроса он при всем желании не смог бы придумать.

– Тот, кто нарушает установленный порядок, поступает во вред Сатане, – заученно ответил советник. – И будет принесен в жертву...

Поп побледнел, но, кроме Гончей, этого никто не заметил. Она отчего-то вообразила, что священник будет умолять надсмотрщиков пощадить парня. Но тот не стал унижаться перед сатанистами. Вместо этого он повернулся к Рыжему и сказал:

– Наберись мужества, отрок. Господь наш не оставит тебя. Господь всегда с теми, кто страдает. А я буду молиться за тебя.

«А что ты еще можешь?» – неприязненно подумала Гончая. Она не могла безучастно смотреть на происходящее. Выбрав гладкий и круглый голыш среди разбросанных в большом количестве по земле камней, девушка оторвала лямку от своего комбинезона и вложила «снаряд» в матерчатую петлю.

Тем временем сатанисты уже взобрались на лестницу, таща за собой связанную жертву.

На Гончую никто не смотрел. Она бесшумно поднялась на ноги, раскрутила в воздухе самодельную пращу... Запущенный умелой рукой камень пронзил темноту и ударил Рыжего в правый висок. Никто не услышал, как хрустнула кость, но парень сорвался с лестницы и безвольно закачался на веревке,

стягивающей его запястья. Коготь и еще несколько сатанистов выругались, потом начали орать на Рыжего, но, убедившись, что он не реагирует на их слова, сами вытащили его из ямы.

Священник, прервав свое бессвязное бормотание, оглянулся на Гончую, но она уже сидела на земле и демонстративно смотрела в сторону.

* * *

Разговор между ними состоялся на следующий день.

- Ты убила его?

- Кого? - изобразила недоумение Гончая.

- Ты знаешь, сестра, о ком я говорю.

- Надеюсь, что убила.

Поп вздохнул.

- Я знаю, ты хотела помочь своему товарищу.

- Он мне никто, - ответила Гончая, но священник ее как будто не слышал.

- Прислужники Сатаны замучили бы этого человека, но ты избавила его от физических мук. Для тебя это был нелегкий выбор, сестра, и ты его сделала.

- Да! - неожиданно для себя сорвалась девушка. - Потому что ни ты, поп, ни твой бог ничего не сделали для этого парня! Какой смысл попусту молоть языком, если от твоих молитв все равно нет никакого толка?!

Она хотела разозлить священника, но он даже не обиделся. Наоборот - улыбнулся.

– Толк есть. Просто ты пока этого не понимаешь. Но ты поймешь. А я и дальше буду за тебя молиться.

«Помолился уже за одного». Гончей надоел этот никчемный разговор, и она отвернулась. Но что-то подсказывало ей, что священник так легко не сдастся и не оставит ее в покое.

На «ужин» девушка снова поймала две крысиные тушки, но делиться с попом не стала – в конце концов, она не нанималась его кормить! Но когда принялась разделывать вторую крысу, внутри у Гончей вспыхнул настоящий пожар, к горлу подступила такая тошнота, что она больше не смогла проглотить ни куска и швырнула недоеденную тушку в толпу голодных рабов, а потом еще долго кашляла и плевалась кровью. Ей еще повезло, что удалось удержать съеденное в желудке, иначе ночь и весь следующий день пришлось бы голодать.

Держась за живот, Гончая улеглась на бок, поджала колени к груди и обхватила их руками. Боль не прошла, но в таком положении ее, по крайней мере, можно было терпеть. Вокруг копошились рабы: кто-то гремел цепями, кто-то ворчал, кто-то бранился, но девушка не обращала на них внимания и не заметила, как уснула.

Проснулась она от знакомого монотонного бормотания над ухом. До того как открыть глаза, Гончая уже знала, кого сейчас увидит. Поп сидел... нет, скорее, стоял на коленях лицом к ней, но смотрел мимо нее в темноту и усердно крестился.

– Прости, сестра, я не хотел тебя будить, – шепотом сказал он. Никакого сожаления в его голосе Гончая не услышала. – Но тебе было плохо, и я молился за твое здоровье.

Она зевнула.

– Напрасно. Я умираю. У меня ожог гортани и легких, плюс облучение. Я почти трое суток провела на поверхности без противогаса, пока искала тело моей дочери. Может, протяну еще неделю-другую – и как.

– Но тебе стало легче?

Гончая прислушалась к ощущениям. Бушевавший в животе пожар, похоже, погас. Она сглотнула. В горле по-прежнему саднило, но бывало и хуже. Гораздо хуже!

- А ты не веришь в силу молитвы, - укоризненно сказал поп.

- Чушь! Просто совпало. По-твоему, бог сначала разрушил весь мир, перебил миллиарды людей в ядерной войне, а потом решил помочь мне, потому что ты его об этом попросил?

Священник упрямо покачал головой.

- Это сделал не Бог. Войну развязали люди, которых Бог наделил свободой воли. Это был человеческий, а не божий выбор.

Гончая снова зевнула.

- Насчет войны ты прав. Ее устроили люди. Потому что нет никакого бога.

- Бог есть, - сказал поп и улыбнулся. - И он всегда с нами. Бог - все то хорошее, что с нами происходит.

- И много ты в своей жизни видел хорошего? - хмыкнула Гончая.

- А ты, сестра? Что было самым хорошим в твоей жизни?

«Майка!» Девушка зажмурилась, но поздно. Слезы уже катились из глаз.

- Ты плачешь? Значит, ты вспомнила. Это и есть Бог.

«В гробу я видала такого бога, который позволяет убивать невинных детей!» - воскликнула про себя она, размазывая по лицу слезы.

Поп коснулся ее руки.

– Не нужно стесняться своих слез, сестра. И в горе, и в радости нам всем приходится плакать. А таким людям, как ты, это порой просто необходимо.

– Каким таким?

– Сильным, – просто ответил священник. – А ты очень сильная. Я таких сильных людей еще не встречал. Сильная не потому, что можешь проломить человеку голову брошенным камнем...

– Я еще и не такое умею, – всхлипнула Гончая.

– Нисколько не сомневаюсь. Но убивать умеют многие, а на то, чтобы так мужественно держаться перед лицом подкрадывающейся смерти, способны лишь единицы. Для этого требуется совсем другая сила, и для того, чтобы сострадать чужому горю, тоже нужна сила, и чтобы любить. В тебе она есть, сестра. Ты настоящий воин.

– Воин? – повторила за священником Гончая. Он явно вкладывал в это слово иной или более широкий, чем известный ей, смысл. – Ничего-то ты обо мне не знаешь. Я ищейка, охотничья собака, лишившаяся хозяина.

– Сдается мне, это ты, сестра, о себе ничего не знаешь, – ответил поп. – Вспомни свою жизнь и подумай над моими словами.

Девушка пристально взглянула на собеседника. «Чего он добивается? Хочет узнать, как я стала такой? Как это называется у священников – исповедь? Отлично! Я не против исповедаться».

– Считаешь, что знаешь меня лучше, чем я сама? – спросила у попа Гончая. – Тогда слушай.

И она начала говорить. О том, как во время ядерного удара в пятилетнем возрасте оказалась с матерью на Театральной. Как через восемь лет сбежала оттуда на Новокузнецкую. Как прибилась к бандитам. Как превратилась в охотницу за головами. И как стала работать на фюрера, а затем и на Стратега.

Приходилось рассказывать урывками и только шепотом, чтобы не привлечь внимание следящих за рабами надсмотрщиков, выкраивая полчаса-час после отбоя, и украдкой во время работы. Гончая опустила некоторые несущественные, по ее мнению, подробности. Но даже в таком виде рассказ занял не одну ночь и не один день: начав исповедь, она уже не могла остановиться.

Глава 3

То же самое

Годом ранее...

- Наличными или распиской?

- Все равно. - Гончая зевнула. Она только что сытно поела в местном баре, впервые после возвращения с Черкизовской, и теперь хотела только спать.

Стратег повернулся к сейфу. И сейф, и кабинет, в котором происходил разговор, принадлежали казначею Курской, но Стратег держался здесь с видом хозяина. Впрочем, как и везде.

- Это не он.

- Что? - В своем воображении Гончая уже видела уютную гостевую комнату с удобной и мягкой постелью, где она сможет вдоволь и, главное, спокойно отоспаться. Но прежде чем отправиться на боковую, охотница за головами хотела получить плату за проделанную работу, а Стратег все возился с сейфом.

- Сталкер, которого ты привела, оказался не тем, кто мне нужен.

- Что? - переспросила Гончая. Из-за одолевающей ее дремоты она никак не могла ухватить ход его мыслей.

Босс озабоченно вздохнул и снова повернулся к наемнице. Сейф он так и не открыл и, как убедилась девушка, даже не вставил ключ в замочную скважину. У Гончей появилось подозрение, что плату она может и не получить.

А еще она обратила внимание на то, что всегда холеный, уверенный в себе Стратег сегодня выглядел каким-то растрепанным, обескураженным и недовольным.

– Стыдно признаться, но красные меня провели, – сказал он. – Подсунули какого-то охламона с Черкизовской, мнящего себя сталкером, который понятия не имеет о грузе.

– О каком грузе? – по инерции спросила Гончая.

– О том грузе, что поставил на уши все руководство Красной линии и заставил их контрразведку провести целую операцию по его сокрытию, – объявил Стратег и, так как наемница продолжала изумленно хлопать глазами, счел нужным пояснить: – Недавно сталкеры красных что-то нашли. находка оказалась настолько важной, что ее тут же засекретили, а по метро пустили слух о том, что груз нашли сталкеры с Черкизовской. Вот на этот слух я и повелся.

«Повелся ты, а собой рисковала я», – заметила Гончая про себя, а вслух сказала:

– Возможно, о грузе знал напарник моего охламона, тот, что погиб накануне.

– Ничего он не знал! Это намеренная деза! – отмахнулся Стратег. – Пять к одному за то, что груз нашли сталкеры с Комсомольской. Во всяком случае, косвенные данные указывают именно на эту станцию.

– И вы хотите знать, что же они нашли?

– В точку! Не зря тебя считают лучшей ищейкой! – воскликнул босс. – Но с моей стороны это не простое любопытство. неизвестный груз может нарушить общественное равновесие в метро, баланс сил, так сказать. Во всяком случае, у красных может возникнуть соблазн сделать это с его помощью. А я, как ты знаешь, взял на себя ответственность оберегать метро от всяких потрясений, которые могут обернуться гибелью для его жителей. Но чтобы оценить степень

угрозы и нейтрализовать ее, мне необходимо выяснить, что это за таинственный груз и где он находится.

– Сталкеры с Комсомольской?

Стратег кивнул, потом сделал небрежное движение рукой, и железная дверца распахнулась – сейф был не заперт; оказывается, наниматель все это время разыгрывал перед исполнительницей комедию. Внутри лежали запечатанные пачки патронов. Много. Стратег начал по одной выкладывать их перед собой на стол.

– Здесь двести пулек. Твой аванс. Приведешь сталкеров – получишь еще столько же.

Но Гончая не торопилась забирать патроны.

– Если груз охраняет контрразведка красных, то после моего похода на Черкизовскую они обо мне в курсе.

– Брось. – Стратег сморщился, словно только что разжевал кусок лимона. – Какая-то девка увела парня, хотя бы и сталкера, и пропала. А может, это он ее увел. Это еще не повод для вмешательства контрразведки. К тому же я позаботился о твоей безопасности – твой спутник уже никому ничего не расскажет. Парень действительно пропал, навсегда.

Последнее он мог и не говорить. Хотя Гончая не строила иллюзий относительно судьбы Болтуна, но одно дело подозревать, а другое – точно знать, что являешься соучастницей убийства.

– Тебе нужно лишь повторить то, что ты блестяще проделала на Черкизовской, – как ни в чем не бывало продолжал наниматель. Он либо не заметил настроения исполнительницы, либо сделал вид, что не заметил. – Пробраться на Комсомольскую, познакомиться там с местными разведчиками, вывести их на поверхность и передать моим людям. Все то же самое. Или бесстрашная Гончая чего-то боится?

– Я ничего не боюсь! – ответила она, сгребая со стола пачки патронов.

Ее планы изменились. Теперь охотница за головами твердо знала, что, прежде чем отправиться на поиски ночлега, она вернется в бар и крепко напьется.

* * *

Ее взяли перед запланированным выходом на поверхность. Сталкеры, вернее, те, кого она принимала за сталкеров, завели ее в подсобку, где, по их словам, хранилось защитное снаряжение. Никакого снаряжения там не оказалось. Крохотная комнатенка была абсолютно пуста. Но Гончая заметила это уже после того, как дышащий ей в затылок здоровенный детина захлопнул за собой входную дверь и задвинул массивный засов.

– Что все это значит? – спросила она, обернувшись, хотя и так уже все поняла. Вот только слишком поздно.

Вместо ответа ее ударили. Сначала тот, что шагал впереди, а когда она обернулась, оказался за спиной, врезал девушке локтем между лопаток. Следом второй вlepил ей звонкую оплеуху. У Гончей все поплыло перед глазами. Она не упала только потому, что стоящий сзади громила крепко схватил ее за локти. А когда зрение восстановилось, запястья уже были скованы наручниками.

– Попалась, шпионка, – прошипел «сталкер», ударивший ее по лицу.

Теперь Гончая понимала, что не так уж он и походил на сталкера: не те глаза, не те движения; в метро настоящие сталкеры чувствуют себя в безопасности, они не ожидают нападения, поэтому расслаблены, а эти двое были всегда напряжены. Она доверилась слухам, утверждающим, что на Красной линии все по-другому и что даже сталкеры красных не похожи на своих коллег с других станций. Но как было не ошибиться, если эти двое называли себя сталкерами, а все жители Комсомольской, с которыми она успела пообщаться, в один голос подтверждали их слова?

Гончая слизнула кровь с разбитой губы.

– Вы чего? Я не шпионка.

– А это ты на Дзержинской расскажешь, – усмехнулся детина ей в лицо и отвесил пленнице новую пощечину.

Когда Гончую вывели из подсобки, кровь из разбитых губ заливала ей подбородок, а голова кружилась от побоев. Девушка с трудом переставляла ноги, и конвоирам приходилось поддерживать ее под руки.

Они отвели ее к стоящей на путях моторизованной дрезине, надели на голову пыльный мешок и куда-то повезли. Из всей поездки Гончая запомнила только резкие рывки и такие же резкие остановки, запах пыльной рогожи и соленый вкус крови во рту.

После очередной остановки с нее сорвали мешок и стащили с дрезины на платформу. Там было довольно много людей. Гончая заметила это, несмотря на то, что ее тошнило и постоянно кружилась голова, но встречные лишь с любопытством поглядывали на незнакомку или равнодушно отводили глаза, словно им каждый день приходилось видеть закованных в наручники избитых женщин.

Конвоиры спустили ее по лестнице в какой-то подвал и повели вглубь узкого, плохо освещенного коридора. За первым коридором последовал другой, потом другая лестница и новый коридор. Гончая все шла и шла, пока ее не завели в комнату наподобие той, где на нее надели наручники. Но, в отличие от подсобки на Комсомольской, в этом помещении было полно разных приспособлений и специальных устройств, от вида которых у девушки сжался мочевого пузыря, а в голове промелькнула мысль о том, что, возможно, она скоро пожалеет, что ее не пристрелили на месте при задержании.

И она действительно пожалела. Даже раньше, чем думала...

* * *

– Кто тебя послал?

После того, что Палач с ней сделал, Гончая уже не могла держать голову в вертикальном положении, и ему приходилось поднимать ее за волосы. Но эта процедура мучителя совершенно не напрягала – ему даже нравилось!

Палач знал свое дело. Сначала он подвесил пленницу на цепи, как на дыбе, вывернув за спину руки, и теперь каждое невольное движение, каждая судорога причиняла молодой женщине невыносимую боль. Потом он разрезал на лоскуты и сорвал с нее всю одежду. Однако вид обнаженного женского тела пробудил в нем не естественное мужское желание, а инстинкты жаждущего крови голодного зверя. И Гончая в полной мере ощутила это на себе.

– Кто тебя послал? На кого ты работаешь?

Одни и те же вопросы. Она теряла сознание, а палач, обливая жертву водой из шланга, возвращал ее в наполненную болью и криками реальность и снова произносил эти слова. Он избивал ее самодельной металлической плетью, изготовленной из обрезка толстого многожильного кабеля, водил по телу девушки этим жутким инструментом, напоминающим миниатюрный серп, и повторял:

– Кто тебя послал?

Сейчас Палач демонстрировал висящей на дыбе пленнице не «серп» и не плетель – что-то маленькое. Отвертку? Иглу? Шило? Да, это было шило с черным, закопченным на огне острием. Гончая хорошо его рассмотрела, когда мучитель поднес жуткий инструмент к ее левому глазу. Она инстинктивно зажмурилась, хотя прекрасно понимала, что сомкнутые веки не представляют для стального жала никакой преграды.

– Знаешь, что происходит, когда в глаз входит раскаленная сталь? – как ни в чем не бывало спросил у нее Палач. В его голосе отчетливо слышалось нетерпение. Гончая давно поняла, что этому извергу нравится калечить и избивать людей, и, судя по голосу, сейчас он испытывал не просто удовольствие, а настоящее наслаждение. – Глаз нагревается, закипает и лопаются. Сейчас покажу.

Палач отпустил ее голову и отошел к верстаку, на котором у него были разложены орудия пыток (аккуратно разложены – каждый инструмент на своем месте), и начал нагревать шило в пламени горячей масляной лампы.

Гончая смотрела на него, скосив глаза. В голову ей пришла глупая мысль: это последнее, что она видит в своей жизни.

– Не пойму. Как считаешь, достаточно или нет? – обратился к ней мучитель.

Он сделал шаг в сторону и исчез из поля зрения жертвы. Тут же загрохотала отпущенная цепь, и пленница рухнула вниз, на забрызганные кровью плиты. Не успела Гончая опомниться, как истязатель схватил ее вывернутые за спину руки, и в следующее мгновение раскаленное шило впилося ей под ноготь безымянного пальца.

Жгучая боль молнией пронзила все тело, из горла вырвался душераздирающий вопль, а глаза вылезли из орбит, но пытка не закончилась – это было только начало. Палач повернул шило из стороны в сторону, расширяя рану, потом выдернул его и вонзил под ноготь мизинца. Захлебнувшись собственным криком, Гончая забилась в судорогах.

– Значит, достаточно, – заметил мучитель, глядя на корчашуюся от боли жертву. Он одобрительно похлопал пленницу по исполосованной спине, вернулся к столу и вновь поднес шило к огню.

Но этого Гончая уже не увидела. Сознание вновь уплыло в спасительную темноту, покинув ее израненное тело.

* * *

Она пришла в себя, лежа на боку. Вокруг было темно, сырой кафельный пол неприятно охлаждал ее голое тело. Девушка попыталась повернуться, но сделать это оказалось непросто, так как руки находились за спиной, а запястья были стянуты кожаными ремнями.

Гончая пошевелила руками и, услышав звон цепи, поняла, что все еще находится в камере пыток. «Видимо, Палач решил сделать перерыв, чтобы продолжить истязание позже – на следующий день, через час или через несколько минут, – подумала она. – Как бы там ни было, я еще жива, и это нужно использовать. Для начала освободиться. Это легче сделать, держа руки перед собой, тогда можно помогать зубами».

Гончая попыталась вывести связанные руки из-за спины. Она когда-то специально вырабатывала гибкость суставов и прежде не раз проделывала этот

трюк. Поначалу все шло хорошо, но потом цепь, пристегнутая к ремням на запястьях, коснулась ее обнаженной спины. Палач не оставил там живого места, и прикосновение холодного металла узница ощутила так, будто упала в пылающий костер. Истошный крик рванулся наружу, но она успела сдержать его, прикусив язык. Рот наполнился кровью, зато оттуда не вырвалось ни звука.

Гончая выплюнула кровь, полежала несколько секунд без движений, приходя в себя, после чего аккуратно пропустила ноги между связанными руками. Расстегнуть застежки на ремнях зубами оказалось проще простого, и уже через несколько секунд пленница разминала освобожденные руки. «Теперь дверь!»

На поиски двери следовало отправляться на четвереньках. Девушка поняла это, когда поднялась на ноги. У нее тут же закружилась голова, тело повело в сторону, но каким-то образом ей все же удалось сохранить равновесие. Убедившись в том, что может стоять, она выставила перед собой руки, сделала несколько шагов и уперлась в стену. Потом, перемещаясь вдоль нее, добралась до двери. Ни замка, ни засова с внутренней стороны не оказалось, и Гончая, как ни старалась, так и не смогла ее открыть – дверь даже не шелохнулась.

От напряжения у нее вновь закружилась голова. Девушка прижалась лбом к холодному металлу двери и постаралась сосредоточиться, но чем дольше думала о своем положении, тем привлекательнее казалась ей мысль разбить голову о стену или отыскать орудия пыток, хотя бы тот же «серп», и вскрыть себе вены или перерезать горло. Справедливее было бы перерезать горло Палачу, но после перенесенных мучений не стоило надеяться, что ей это удастся. Гончая сомневалась, что вообще сможет удержать в руках оружие, а уж сражаться им...

Однако какая-то упрямая часть ее рассудка упорно сопротивлялась самоубийству. Взвесив все, пленница отказалась от этой идеи. Не потому что боялась, а потому что понимала: она умрет, а Палач останется – продолжит есть и пить, вспоминать, как мучил ее, и довольно улыбаться при этом.

Стиснув зубы, Гончая помотала головой. Нет, надо вырваться из этого застенка. Вырваться и выжить, хотя бы для того, чтобы плюнуть на его труп. Пусть эта дверь заперта, но, возможно, найдется другой выход. Она попыталась воскресить в памяти жуткий интерьер камеры пыток, который запомнила, когда еще была в состоянии видеть и запоминать: свисающие с потолка крюки и цепи для подвешивания жертв, натягивающий эти цепи ворот, железный верстак с

аккуратно разложенными приспособлениями – это все было не то, что ей нужно; резиновый шланг и зарешеченное сливное отверстие в полу, непривычно большое, не менее полуметра в диаметре. Гончая вспомнила, что ее в какой-то момент удивил размер сливной решетки.

Внезапная догадка заставила девушку опуститься на колени. Отыскав наощупь решетку, она потянула ее на себя и кое-как вынула из сливного отверстия. В полу открылся лаз, представляющий собой круглую вертикальную трубу полуметрового диаметра. Даже шире! Гончая опустила в отверстие голову, в нос тут же ударил тяжелый запах разложения – труба явно предназначалась не только для слива воды, но и для сброса трупов замученных на допросах людей.

От поднимающегося оттуда смрада у девушки снова начала кружиться голова. Но отверстие в полу, труба и братская могила внизу (свалка трупов, так точнее) были единственным путем к спасению. «Или к смерти», – поправила себя Гончая. Но выбирать не приходилось. Кроме мучительной гибели в руках палача, здесь ее ничего не ждало. Пленница спустила ноги в лаз, закусив зубами нижнюю губу, чтобы не закричать, затем вытянула руки над головой и... соскользнула в трубу. Боль удалось выдержать лишь несколько секунд. Или мгновений. Когда силы иссякли, девушка закричала. И едва не захлебнулась хлынувшей в горло водой.

Вода была и сверху, и снизу – со всех сторон, но ноги коснулись чего-то твердого: плиты или камня. Гончая оттолкнулась от этой опоры и вынырнула на поверхность. «Может, я снова потеряла сознание от боли, и все, что сейчас происходит, это галлюцинации моего отключившегося мозга или, проще говоря, бред?» – подумалось ей. Однако ощущения были реальными до мельчайших деталей. Холод обжигал израненное тело, а над водой стоял тот же кисло-сладкий запах разложения, который она почувствовала, когда заглянула в сливное отверстие.

Не успела Гончая это понять, как снова погрузилась в воду с головой. Она беспорядочно замолотила руками, мысленно проклиная свои боевые навыки и шпионский опыт, которые в этой ситуации оказались совершенно бесполезны, потому что плавать она так и не научилась. Этим все и должно было закончиться – воздуха в легких оставалось совсем немного, а сомкнувшаяся над головой вода не отпускала обессилившую жертву. Но внезапно руки девушки наткнулись на что-то тугое и плотное. Гончая жадно вцепилась в проплывающий мимо предмет и вынырнула.

Несколько секунд она просто дышала широко открытым ртом, не обращая внимания на холод и вонь, затем ощупала свой спасательный «мешок» – им оказался мертвец в разорванной одежде, раздувшийся от распирающих тело трупных газов. Проверив пришедшую на ум догадку, Гончая подняла вверх руку и нащупала сначала только пустоту, но когда, держась за распухшее тело, отплыла немного в сторону, то обнаружила закругляющийся бетонный свод и поняла, что вывалилась из трубы в заполненный водой сточный канал. Вряд ли его прорыли нынешние хозяева Лубянки, скорее всего, лишь приспособили для своих нужд, и теперь сохранившаяся часть довоенной системы городской канализации использовалась палачом как место избавления от трупов замученных жертв.

Коллектор оказался довольно широким, точнее, глубоким – во всяком случае, ноги до дна не доставали, и передвигаться по каналу, можно было только вплавь. Пока Гончая прикидывала, как плыть вместе с трупом (выпустить его из рук она бы не решилась ни при каких обстоятельствах), поток унес ее далеко вперед, откуда все отчетливее доносился звук падающей воды. Водосброс!

Это открытие не понравилось Гончей, особенно после того как она убедилась, что не в состоянии проплыть и нескольких метров против течения. О том, что ей делать, если вода заполнит весь канал до самого верха, не хотелось даже думать. Однако после того как она вырвалась из лап лубянского Палача, умирать категорически не хотелось.

Стараясь держаться как можно ближе к стенам канала, Гончая вслушивалась в шум приближающегося водопада. Внезапно девушку окатила струя воды. Беглянка ухватилась руками за край трубы, откуда выливалась вода. Эта труба оказалась менее метра в диаметре и, что особенно важно, располагалась горизонтально. Гончая решила, что вполне сможет в нее залезть, тем более что ей ничего другого и не оставалось – служивший плавсредством труп унесло течением.

Передвигаться по трубе можно было только на четвереньках, зато без риска захлебнуться – вода не заполняла ее даже наполовину. Здесь пахло обычной для подземелий сыростью, с каждым преодоленным метром смрад разложения ощущался все меньше.

Сточная труба вывела Гончую в заброшенный подземный ход, которым, судя по всему, уже много лет никто не пользовался. Она даже не пыталась представить, где оказалась и что это за место, но ход куда-то однозначно вел, и она побрела по нему. Шагала, пока чувствовала в себе силы, а когда силы заканчивались, садилась на землю. В отличие от туннеля метро, этот штрек оказался сырым и грязным. Вода сочилась из всех щелей, зато ее можно было пить, прикладывая язык к шершавой поверхности стены. В одном месте Гончая даже наткнулась на родник и задержалась возле него, чтобы смыть с себя налипшую грязь.

Иногда ход раздваивался, но беглянка всегда выбирала более широкое ответвление. Вязкое месиво под ногами сменила твердая сухая земля. Потом начали попадаться камни, щебень и, наконец, знакомые каждому жителю метро рельсы и шпалы. Не задумываясь о том, куда направляется, Гончая брела вперед, пока не вышла на костер, разведенный прямо посреди путей, и двух греющихся у огня незнакомцев.

Несколько секунд длилась немая сцена, затем один из них схватил горящее полено и, осветив им вышедшую из темноты фигуру, изумленно уставился на голую женщину.

– Ты, это... кто такая? Откуда?

– Давно обобрали? – предположил другой.

Гончая пожала плечами.

– А плутаешь давно?

Она повторила свой жест.

– Не, я понимаю – барахло отобрать, шмотки, туда-сюда, – развил свою мысль второй. – Но чтобы вообще раздевать, до нитки, – как-то не по-людски.

Потом они заметили исполосованную, сочащуюся кровью спину незнакомки и одновременно замолчали. После обмена выразительными взглядами тот, кто начал разговор, сообщил:

– Ты это, к Китай-городу вышла. Знаешь здесь кого-нибудь?

Гончая кивнула. Она знала. Причем не кого-нибудь, а почти всех местных бригадиров.

* * *

Отец Ярослав долго молчал после того, как она закончила говорить. Гончая даже решила, что поп заснул во время ее рассказа. Девушка собиралась уже закрыть глаза и последовать примеру священника, когда услышала его тихий, задумчивый голос:

– То, что тебе пришлось пережить, просто ужасно. Но Бог посылает нам только те испытания, которые мы способны выдержать. И ты их выдержала. Возможно, Бог готовит тебя к чему-то особенному, к чему-то большему, чем тебе приходилось до сих пор заниматься.

«Опять он о своем боге!» Гончая поморщилась. В горле скопилась кровь, и она сплюнула ее на землю.

– Тогда он выбрал себе не ту ученицу. Я сдохну через неделю.

– Никто не может этого знать, только Бог!

Девушка отмахнулась. Но священник решил зайти с другой стороны.

– А тот человек, палач... вы больше не встречались?

Гончая сжала кулаки.

– Он убил мою дочь.

Поп ахнул. Судя по звукам, доносящимся с его стороны, он встал на колени, перекрестил прикованную к нему напарницу и что-то пробормотал.

– Не в одиночку. Убийц было пятеро, – продолжала Гончая. – Сам Палач, его одноглазый подручный по прозвищу Левша, мой бывший босс и двое его телохранителей.

– И что с ними стало?

– Они все погибли вслед за моей дочерью, – священник молчал, но девушка чувствовала, что он ждет от нее объяснения. – Я не имею отношения к их смерти, если тебя это интересует. Я даже не видела, как это случилось. Когда они умирали, я была без сознания. Просто я оказалась единственной, кому удалось выжить.

– После этого ты попала сюда?

– Нет. После этого я два дня искала тело дочери, днем и ночью, но так и не нашла. Два дня под проливным дождем. И все ради того, чтобы оказаться на цепи в этой вонючей яме. Если это очередной урок от твоего бога, то я не понимаю его смысл.

– Порой очень сложно понять замысел Бога, лишь немногие на это способны, – заметил поп. – Расскажи о твоей дочери. Какой она была?

Гончая улыбнулась.

– О! Она была чудесной. Чудесной и удивительной. Она могла видеть будущее. Ты можешь мне не верить, но это правда.

– И что она видела?

Словно чья-то невидимая рука стерла улыбку с лица Гончей. Она резко обернулась к священнику, но тот укрылся в темноте от ее грозного взгляда.

– Чудовище! Она видела огромного подземного монстра, который однажды выберется из недр земли и сожрет все метро вместе с его жителями! И я очень надеюсь, что это произойдет уже скоро!

– Ты отравлена гневом, – вздохнул поп.

- Я отравлена радиацией и ядовитым дыханием этого монстра!

- Ты говоришь...

- Да! - воскликнула Гончая. - Я видела этого монстра! Мы с дочерью висели над его разинутой пастью, пока взрыв, который устроили мой босс и его подручные, не выбросил меня оттуда! Я потеряла сознание, но выжила, а они и моя дочь погибли.

Поп снова перекрестил ее.

- Утешься тем, что сейчас твоя дочь пребывает в лучшем мире.

- Моя дочь пребывает в утробе чудовища, жуткой подземной твари, которую ты даже представить себе не можешь!

- Я говорю не о теле, а о душе твоей дочери.

Гончая почувствовала усталость. Ей уже не хотелось спорить с ним.

- Что такое душа? - по инерции спросила она.

- Душа - это то, что отличает нас от животных и делает людьми.

Девушка вспомнила, как закованные в кандалы рабы, стоя на карачках или сидя на коленях, ковыряются в земле, покрытые грязью с ног до головы и больше похожие на навозных мух, чем на людей. Впрочем, она сама и прикованный к ней священник выглядели не лучше.

- Еще одна красивая, но глупая сказка.

- Это не сказка, - возразил упрямый проповедник. - Вспомни моменты, когда ты была здорова, но тебе все равно было плохо. Это болела твоя душа. И наоборот, когда телу больно, а тебе хорошо, значит, душа радуется.

– Чушь, – отрезала Гончая, но неожиданно для себя задумалась. В жизни ей редко бывало хорошо, но все-таки такое случалось. Например, когда Майка очнулась после своего обморока на Краснопресненской. Или когда впервые назвала ее мамой. Да Гончая готова была прыгать от радости!

Слова священника не давали покоя, и на следующий день, скребя неподатливую землю, она снова вернулась мысленно к ночному разговору. «Может, рассуждения попа о душе вовсе не чушь? Может, и другие его слова, например, о боге, о силе молитвы...»

Внезапно ее грудь пронзила острая боль, словно туда воткнули раскаленный прут. Гончая попыталась закричать, но не смогла даже сделать вдох. Перед глазами потемнело, хотя в яме ярко горели зажженные факелы. Она судорожно вцепилась руками в землю, но не смогла удержаться и провалилась в темноту.

* * *

– Слава Богу, ты очнулась, – лицо попа промелькнуло перед ее глазами и сменилось его обсыпанным песком затылком. – Все в порядке! Ей уже лучше!

– Тогда пусть работает! – донеслось в ответ откуда-то сверху. Гончая не узнала голос, но и так было ясно, что он принадлежит кому-то из надсмотрщиков.

Отец Ярослав снова обернулся к ней. Девушка ухватила его за ворот и притянула к себе.

– Ты меня откачал?

Священник неопределенно пожал плечами.

– Я старался.

Она оттолкнула его.

– Какого черта тебе от меня надо? Если бы не ты со своей непрошеной заботой, я бы сейчас обнимала дочь на том свете. При условии, что все, что ты наговорил о

душе, правда.

- Если ты жива, значит, твое время еще не пришло.

Поп хотел что-то добавить, но его оборвал грозный окрик тюремщика:

- Работать, твари!

В воздухе свистнул кнут. Гончая лежала на земле, и конец бича до нее не дотянулся. Священнику повезло меньше. Хлыст стегнул его по руке, разрывая рукав фуфайки и рассекая кожу до мяса. Поп сморщился от боли и втянул голову в плечи, но испугался не за себя или не только за себя.

- Пожалуйста, если не можешь, то хотя бы сделай вид, что работаешь. А то эти не отстанут.

Гончая мрачно усмехнулась. Держась за руку напарника, она перевернулась на живот, кое-как встала на колени и принялась ковырять плотную землю. Поп крутился рядом, стараясь заслонить ее от взглядов надсмотрщиков своим телом. Хотя он делал это неумело, девушка не могла не оценить его самоотверженности. А потом увидела у него на спине в прорехе разорванной фуфайки еще один след от бича. Свежий, сочащийся кровью след!

- Что это? - удивилась Гончая. - Почему? Тебя же не бьют.

- Только когда молюсь, - поправил ее поп. - Харон так решил. Хочет доказать мне бессилие Бога, а может, себе. Но на производительность труда и все остальное приказ не распространяется. Никаких поблажек.

Девушка окончательно запуталась.

- Почему же ты не молился?

- Я молился, а еще помогал тебе. Но они решили, что такая молитва не считается.

До нее, наконец, дошло. Если бы священник сидел смирно, то его, скорее всего, не тронули бы, а удар плеткой достался бы ей.

- Спасибо тебе, - нехотя ответила она.

Гончая не боялась смерти, которая приблизила бы ее ко встрече с Майкой, но умереть под ударами кнутов каких-то подонков девушка не хотела. Охотничья собака может погибнуть в жестокой схватке или на бегу от разрыва сердца, но она никогда не подставит свое горло волку!

- Не за что. Ты только не останавливайся, сестра. На нас все еще смотрят.

Она незаметно оглянулась. Надсмотрщики, сидящие на лестницах, действительно наблюдали за ними, но уже без прежнего рвения, скорее, по инерции. Убивать ее, по крайней мере, в ближайшее время, они точно не собирались. Она снова обернулась к попу.

- Как ты меня откачал? Искусственное дыхание?

Тот замотал головой и зачем-то спрятал за спину левую руку.

- Покажи, - потребовала Гончая и, не обращая внимания на протесты священника, схватила его за руку. На ладони выделялись небольшие кровоточащие ранки, повторяющие форму зубов. - Это я? Я тебя укусила?

Поп кивнул.

- У тебя начались судороги, сестра. Нужно было вставить что-то между зубов, чтобы ты не задохнулась.

Девушка представила, как вонзила зубы ему в ладонь. Священнику повезло, что он отделался только синяками и неглубокими ранами. Могло быть и хуже.

- Ты все же поосторожней. Я в семнадцать лет как-то одному в драке нос откусила.

- Как откусила? - опешил священник.

Бывшая охотница за головами развела на пару сантиметров большой и указательный пальцы правой руки.

– Вот на столько.

О том, как четыре года спустя в рукопашной схватке она перегрызла противнику сонную артерию, и тот меньше чем за минуту истек кровью, девушка предпочла не рассказывать.

* * *

Наказаний кнутом в этот день удалось избежать, но Гончая вымоталась настолько, что даже не пыталась ловить жареных крыс, которых перед отбоем, как обычно, вывалили в яму сатанисты. Вместо нее это попробовал сделать поп. Его неуклюжие, суетливые движения со стороны смотрелись забавно. Ничего он, конечно, не поймал, только заработал пару оплеух и с пустыми руками вернулся назад.

– Ничего, – успокоила его напарница. – Если завтра до вечера не умру, добуду парочку. Наедемся крысятиной до отвала.

– Тогда только попробуй умереть! – пригрозил ей отец Ярослав.

Гончая улыбнулась:

– Признайся, в прежние времена, до крушения мира, когда ты служил священником, то и представить не мог, что когда-нибудь будешь мечтать о плохо прожаренной крысе?

– Я не служил священником, не провел ни одной службы, – неожиданно сказал прикованный к ней мужчина. Гончая застыла на месте, а он тем временем продолжал: – В тот год, когда случилась ядерная война, я как раз закончил духовную академию, прошел обряд посвящения и после хиротонии[2 - Канонизированная процедура в христианстве, наделяющая священнослужителя правом совершать таинства и обряды.] ехал в храм на свою первую самостоятельную службу в качестве священника. Вышел из метро, и где-то на

полпути к храму услышал, как завывали сирены. Люди вокруг побежали, и я вместе с ними. Потом уже сообразил, что бегу назад – обратно в метро.

Гончая слышала много рассказов о первых минутах крушения мира, почему-то лучше всего люди запомнили именно начальный момент катастрофы. Она и сама могла рассказать подобную историю.

– Ты спасался.

– Спасался? – переспросил поп. – Не знаю. Понимаешь, тогда на улице были люди, которые бежали в другую сторону – к храму, и я их видел. Они бежали к Богу, а я от него. Вместо того чтобы быть с моими прихожанами, быть с теми, кто в последние мгновения жизни обращался к Господу, утешить их, я оставил, предал этих людей! Нет, я не спасался. Я просто струсил. Спрятался под землей, теперь так и живу здесь, если это можно назвать жизнью.

– И ни разу не выходил? – Гончая указала взглядом вверх, где над многометровой толщей земли, бетона и асфальта обезлюдивших московских улиц простиралось бескрайнее небо. Ей вдруг стало нестерпимо жалко этого израненного и измученного человека, который вот уже более двадцати лет не видел белого света.

– Один раз, – признался священник (или не священник?). – Уговорил сталкеров с Кропоткинской проводить меня до Храма Христа Спасителя. Там от метро совсем рядом. А когда вышел на поверхность, увидел, во что превратилась Москва и сам Храм, испугался... и снова спрятался под землю.

Его голос дрогнул, и Гончая поняла, что он с трудом сдерживает слезы.

– Жалеешь?

– Даже не представляешь как. Ведь у меня был шанс вернуться в Храм, войти в Дом Божий! А я им не воспользовался.

– На крыше твоего храма свили гнездо птерозавры – такие крылатые твари, вроде драконов. А внутри, наверное, поселились еще какие-нибудь монстры. Так что там давно уже не дом божий.

– Нет! – упрямо мотнул головой поп. – Даже если в Божьем Доме хозяйничают адские создания, он все равно остается Домом Бога!

Это было сказано с такой непоколебимой уверенностью и таким твердым голосом, какого Гончая от своего собеседника никогда еще не слышала. В новом мире так говорили только люди, обладающие властью и недюжинной физической силой и, как правило, с оружием в руках. С серьезным оружием! А у этого человека не было ни власти, ни силы, ни оружия. Только слова и его необъяснимая вера. Но именно эта вера подарила ей, умирающей женщине, надежду на встречу с погибшей дочерью! Такая надежда дорого стоила.

А долги надо возвращать.

– Если бы я могла, если бы у меня оставались силы, я бы проводила тебя в тот Храм.

– Спасибо. Но я упустил свой шанс, – вздохнул священник.

Гончая оценивающе взглянула на него. «Он наверняка переживет меня, но ненадолго. Когда меня не станет, никто не поделится с ним жареной крысой, потому что на слова «братья и сестры, будем же милосердны друг к другу» остальным наплевать. А без еды поп протянет от силы несколько дней».

– Ты специально пришел на Кропоткинскую, чтобы попасть в Храм? – спросила девушка, вспомнив его рассказ.

– Я жил там, – ответил он. Это прозвучало так, словно присутствие священника на станциях Красной Линии было обычным явлением. – Все надеялся добраться до Храма. А потом нынешние хозяева станции выгнали меня оттуда.

– Повезло, что не расстреляли, – вставила Гончая, вспомнив собственные «особые» отношения с контрразведкой красных.

– Да? Ты считаешь, что повезло? – он выразительно оглянулся вокруг.

– А сюда как попал?

– Так же, как и все. Шел по тоннелю, меня ударили сзади, потом мешок на голову – и вот я здесь. Харон спросил: «Кто такой?» Я ответил: «Отец Ярослав, священнослужитель». Тот засмеялся, даже обрадовался, сказал: «Поп, значит. Вот и проверим, долго ли ты в слугах у Сатаны протянешь».

– И давно ты уже здесь?

– За пару дней до тебя меня привели.

Гончая рассмеялась.

– Так мы с тобой из одного «призыва»?

Но отец Ярослав – Гончая решила, что не будет больше подтрунивать над ним безличным обращением «поп» – и на этот раз не поддержал ее шутку.

– Я уверен, что не бывает случайных встреч. Или Бог посылает нужного нам человека, или мы посылаемся кому-то Богом. Думаю, что и сюда мы попали не случайно, а по воле Господа, – сказал он. – Для какой-то неведомой цели.

– Копаться в собственном дерьме!

– Возможно, это часть Божьего наказания за наши грехи.

Гончая вытянулась на земляном полу и уставилась вверх. Осыпающиеся края ямы напомнили ей вертикальную нору гигантского членистоногого чудовища.

– В таком случае богу следовало поучиться у монстра из земных недр. Вот кто непревзойденный виртуоз по части наказания. Если бы он не гонялся за моей дочерью, то давно бы уже сожрал все метро, со всеми его жителями. И теперь, когда моя девочка мертва, монстр приступит к основной трапезе. А может, уже приступил.

– Что ж. Значит, такова воля Бога, – повторил отец Ярослав. – В древности существовали два больших, густонаселенных города: Содом и Гоморра. Но люди, которые там жили, погрязли в разврате, жадности и злобе. Даже десяти праведников не нашлось среди них, и Господь уничтожил эти города за грехи их

жителей. Нынешние обитатели метро со своими низменными страстями во многом похожи на жителей Содома и Гоморры, а та мерзость и гнусь, которые творятся почти на каждой станции и в темноте перегонов, похожи на то, что происходило в домах и на улицах этих городов. Но за грехами неминуемо следует наказание.

– Зачем же ты спас меня сегодня, если наказание, по-твоему, неотвратимо?

– Даже Господь, прежде чем уничтожить Содом и Гоморру, послал туда ангелов, чтобы спасти единственного праведника и его семью.

– Ты ошибаешься, священник, я уж точно не праведник, – ответила Гончая, отвернувшись от него и закрыла глаза.

«Майка, – беззвучно прошептали в темноте ее растрескавшиеся губы. – Моя светлая, прекрасная, любимая девочка! Почему ты мертва, а какие-то мерзкие уроды, которые только и делают, что пьют и жрут, грабят, насилуют и убивают, живы? Разве это справедливо?! Пусть они умрут! Пусть умрут все».

Глава 4

В подземном чертоге

Ночью Гончей приснилась дочь. Девочка бродила в одиночестве по каким-то темным тоннелям и никак не могла выбраться оттуда. Что бы ни рассказывал отец Ярослав о местопребывании покинувшей тело души, Майка вовсе не выглядела радостной и счастливой. Ее необычайно бледное лицо и широко распахнутые глаза выражали смертельный ужас, а по тому, как она беспрестанно озиралась вокруг, как в нерешительности замирала на месте, прежде чем сделать следующий шаг, было видно, что она очень боится.

В том мрачном месте, куда попала Майка, было от чего испугаться. Запутанные, петляющие ходы совсем не походили на привычные Гончей туннели метро. В них не было ни рельсов, ни шпал, ни электрических кабелей – вообще ничего сделанного человеческими руками! Вместо знакомых чугунных и бетонных

тубингов стены были покрыты повторяющимися глубокими бороздами, отчего туннели напоминали отлитый в камне исполинский кишечник. Создавалось впечатление, что Майка бродит внутри чьих-то окаменевших потрохов!

Гончая с криком вынырнула из привидевшегося ей кошмара. Она безошибочно нашла в темноте прикованного к ней священника, схватила его за шиворот и резко встряхнула. Мужчина открыл глаза и замотал головой, пытаясь понять, что происходит.

- Ты врал мне! - выкрикнула девушка ему в лицо. - Все врал! Нет никакого лучшего мира, только этот! И еще есть чудовище, подземный монстр, проглотивший мою дочь! И она или ее душа сейчас там, в его брюхе!

- А? Чего? - раздалось среди храпящих и стонущих тел.

- Опять чумная к попу пристает?.. Да когда же это кончится?!

Гончая уже не кричала, она рыдала навзрыд. Отец Ярослав положил ее голову себе на грудь - девушка не сопротивлялась, у нее просто не осталось на это сил, - и стал гладить по волосам.

- Лучший мир существует. В свой час, сестра, ты его увидишь. Не я, а Дьявол, Враг человеческий, обманывает тебя. Он проделывает это с каждым из нас: кого-то искушает, кого-то запугивает. Если Бог - любовь и милосердие, то Дьявол - это злоба и ненависть. Уверен, что и чудовище, тот подземный монстр, о котором ты говорила, - это его творение. Возможно, самое жуткое порождение Дьявола. Само воплощение Зла. Ведь Злу недостаточно уничтожить человеческую плоть. В первую очередь оно стремится погубить наши души и использует для этого разные способы, в том числе и страх. Парализованная страхом, доведенная до полного отчаяния душа не может пробиться к Богу и становится легкой добычей Дьявола. Но как бы тяжело нам ни было, Бог всегда способен исцелить наши души от страха и отчаяния, и тебе достаточно его просто попросить.

- Как это? - прошептала Гончая сквозь слезы.

- Молиться.

– Я не умею.

Отец Ярослав улыбнулся. Хотя она и не видела его лица, но поняла, что он улыбается.

– Научиться никогда не поздно. Сейчас представь себя перед всевидящим Богом и повторяй за мной:

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, Аминь.

Гончая послушно представила, что кто-то сильный и невидимый смотрит на нее из темноты, у него даже было лицо, похожее на лицо прикованного к ней священника, и начала повторять:

– Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...

* * *

Она открыла глаза еще до пробуждения. Наверху, в своем лагере, сатанисты уже зажигали факелы и развешенные по стенам светильники.

Священник лежал на боку, поджав колени к груди и вытянув в сторону напарницы правую руку. Из его приоткрытого рта доносилось на удивление ровное дыхание.

Гончая прислушалась к своим ощущениям. Вчерашней слабости, которая буквально валила ее с ног, как не бывало. Зато очень сильно хотелось есть. Девушка даже сглотнула, потом еще раз, и только на третий раз поняла, что не чувствует боли. В горле по-прежнему першило и саднило, словно она проглотила какой-то колючий предмет, застрявший у нее внутри, но боли не было! Лишь когда Гончая попробовала кашлянуть, почувствовала, как в гортань будто вонзился острый шип.

«Нет, – остановила она себя. – Не может быть, чтобы из-за нескольких фраз, сказанных неизвестно кому, прошла боль, не отпускающая уже вторую неделю. Да я и не просила об этом. Строго говоря, я вообще ни о чем не просила, кроме неконкретного “господи, помилуй”». Тем не менее Гончую не покидало

ощущение особенности или даже исключительности момента, а она привыкла доверять своим ощущениям.

«Особенный день». Мысль не удивила ее. Сатанисты еще не начали будить спящих рабов, а она уже твердо знала, что сегодня для нее многое изменится. Или уже изменилось.

По прикидкам Гончей, последователи сатаны давно уже должны были устроить пленникам утренний холодный душ, однако почему-то медлили. Сверху донеслись перебивающие друг друга голоса, и девушка сразу узнала в одном из них голос Харона. Через пару минут в яму все-таки хлынула вода. Гончая мгновенно оказалась на ногах, пихнув в бок спящего как младенец соседа.

– Завтрак проспишь.

Отец Ярослав не заставил себя ждать: он быстро поднялся и подставил руки под льющуюся сверху струи. Наблюдая за ним, Гончая с усмешкой подумала, что сумела неплохо его натренировать: «Пожалуй, через пару-тройку уроков он сможет ловить жареных крыс не хуже меня. Если захочет. И если доживет».

Водяной поток внезапно прекратился – в этот раз надсмотрщики явно пожадничали. Но все же Гончая успела и напиться, и ополоснуть лицо, а ее напарник только смочил себе губы. Она решила, что поторопилась с выводами: к самостоятельному добыванию пищи священник еще не был готов.

Гончей было искренне жаль этого забавного, непохожего на других человека, совершенно не приспособленного к жизни в рухнувшем мире, но уже через секунду она забыла о нем, увидев, как по лестнице в яму спускается сам предводитель сатанистов с двумя своими подручными.

– Слуги Сатаны, встречайте глашатая воли своего Господина! – обратился он к потупившим взоры рабам, взмахнув своим неизменным посохом с набалдашником из крысиного черепа.

Харону никто не ответил, но его это нисколько не опечалило. Он с деловым видом объявил:

– Сатана указал мне путь! Подземные чертоги нашего Господина и Избавителя уже близко!

«Подземные чертоги? Так вот как называется эта выгребная яма». Гончая не заметила, как усмехнулась, но у главаря сатанистов оказался на редкость чуткий слух.

– Отрицая мои слова, ты отрицаешь нашего Господина! – заявил вождь, надвигаясь на нее. Вокруг девушки мгновенно образовалось пустое пространство, только прикованный к ней священник не имел возможности ретироваться. – Поклянись в верности Сатане, или я, как глашатай его воли, сурово накажу тебя. – Харон перехватил удобнее свою арматуру-посох, заточенный конец которой направил Гончей в лицо.

«Вот и все, – без особого сожаления подумала она. – Не зря говорят, что перед смертью боль проходит».

Но тут вперед неожиданно выступил отец Ярослав.

– Эта женщина больна. Она не может говорить. Вчера она едва не умерла во время работы.

– Едва не умерла? – Главный сатанист с сомнением взглянул на стоящую перед ним пленницу, но один из надсмотрщиков утвердительно кивнул, подтверждая слова священника. – Не может говорить, а насмехаться над моими словами, значит, может?

– Это была не насмешка. Она сдерживала кашель, – не моргнув глазом, солгал отец Ярослав.

«Кашляй», – прочитала Гончая по его беззвучно шевелящимся губам, когда он на мгновение обернулся к ней. Внезапно ей действительно захотелось откашляться, даже притворяться не пришлось. Но даже отхаркнутая рабыней кровавая мокрота не развеяла сомнения Харона и не заставила его опустить железный посох, нацеленный девушке в лицо.

– Славь Сатану, – приказал он. – Все славьте!

– Слава Сатане... слава... – донеслось из толпы замученных оборванцев. Но предводитель сектантов смотрел только на Гончую, а она смотрела на него. Молча. В горле осталось еще достаточно кровавых соплей для хорошего плевка в лицо сатанисту, вот только плюнуть бунтарка не успела.

– Слава! – раздалось в шаге от нее. – Слава!

Кричал отец Ярослав. Гончая изумленно вытаращила глаза, но еще больше удивился сам вождь сатанистов.

– Сдулся, поп! – заорал Харон, перекрывая все прочие голоса. – Я всегда знал, что надолго тебя не хватит! Помог тебе твой бог?! Где он, на небе? Там ему и место. А здесь, под землей, обитель Сатаны! И скоро мы откроем его подземные чертоги!

– Вы хорошо потрудились! – объявил он притихшим рабам. – Но нужно работать еще усерднее! И тот, кому мы служим и поклоняемся, послал вам в помощь своих новых, только что обретенных слуг!

По знаку Харона висящая над вырытым колодцем бочка стремительно заскользила вниз. На ней, держась за трос, стояли два человека в одинаковой одежде, в которой Гончая с трудом узнала униформу штурмовиков Рейха. Еще один человек сидел в бочке, испуганно озираясь по сторонам. Через секунду бочка грохнулась на дно ямы, и пленники повалились на землю. То, что это именно пленники, было видно по заляпанной кровью и опаленной одежде новоприбывших и по цепи, сковывающей ноги двоих из них. Третий же, невысокий мужичонка с ободранной щекой и разбитыми губами, тот, что сидел в бочке, остался без кандалов только по причине того, что ему не нашлось напарника.

Главарь сатанистов обошел сбившихся в кучу рабов, которые при его приближении испуганно опускали глаза, и вывел из толпы на середину ямы напоминающую скелет тощую женщину в рваных обносках.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пистолет Макарова.

2

Канонизированная процедура в христианстве, наделяющая священнослужителя правом совершать таинства и обряды.

Купить: https://tellnovel.com/ru/moskvin_serгей/metro-2033-pifiya-2-v-gryazi-i-krovi

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)